ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 42 (3071) Вторник, 7 апреля 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Сергей Антонов. — Друзья (1 стр.).
Евг. Долматовский. — Новая победа строителей московского метро (2 стр.).
Т. Трифонова. — Отражать многообразие жизни (2—3 стр.).
О. Прудков. — Пьеса о мужестве корейского народа (2 стр.).
Вл. Орлов. — Роман о русском народе (3 стр.).
К. Смирнов. — Голос дружбы (4 стр.).
Е. Амбарцумов. — Судьба легионеров (4 стр.).

Советская социалистическая законность неприкосновенна

В нашей печати опубликовано сообщение Министерства внутренних дел СССР о результатах тщательной проверки всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессора и врачи были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Как говорится в сообщении Министерства внутренних дел, проверка показала, что выдвинутые против этих лиц обвинения являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные профессора и врачи полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях и из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

Как могло случиться, что в недрах Министерства государственной безопасности СССР, призванного стоять на страже интересов Советского государства, было сфабриковано провокационное дело, жертвой которого явились честные советские люди, выдающиеся деятели советской науки?

Это произошло прежде всего потому, что не на высоте оказались руководители бывшего Министерства государственной безопасности. Они оторвались от народа, от партии, позабыли, что являются слугами народа и обязаны стоять на страже советской законности. Бывший министр государственной безопасности С. Игнатьев проявил политическую слепоту и ротозейство, оказался на поводу у таких преступных авантюристов, как бывший заместитель министра и начальник следственной части, непосредственно руководивший следствием, Рюмин, ныне арестованный. Рюмин поступал как скрытый враг нашего государства, нашего народа. Вместо того, чтобы работать по разоблачению действительных врагов Советского государства, действительных шпионов и диверсантов, Рюмин встал на путь обмана правительства, на путь преступного авантюризма. Поправ высокое призвание работников государственного аппарата и свою ответственность перед партией, перед народом, Рюмин и некоторые другие работники Министерства государственной безопасности в своих преступных целях пошли на грубейшие нарушения советской законности, вплоть до прямой фальсификации обвинительных материалов, посмели надругаться над неприкосновенными правами советских граждан, записанными в нашей Конституции.

Не на высоте оказалась и созданная в связи с обвинением против группы врачей медицинско-экспертная комиссия, которая дала неправильное заключение по методам лечения, примененным в свое время к А. С. Щербакову и А. А. Жданову. Вместо того, чтобы с научной добросовестностью и объективностью проанализировать истории болезни и другие материалы, эта комиссия поддалась влиянию сфабрикованных следствием материалов и своим авторитетом поддержала клеветнические, фальсифицированные обвинения против ряда видных деятелей медицины. Следует при этом отметить, что следствие утаило от экспертов некоторые существенные стороны лечебной процедуры, доказывающие правильность проведения лечения.

С чувством удовлетворения советский народ узнал, что обвинения, возведенные на целый ряд видных деятелей советской медицины, оказались полностью ложными, что это был гнусный поклеп на честных и уважаемых деятелей нашего государства. Только люди, потерявшие советский облик и человеческое достоинство, могли дойти до беззаконных арестов советских граждан, выдающихся деятелей советской медицины, до прямой фальсификации следствия, до преступного нарушения своего гражданского долга.

Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды. В этих провокационных целях они не останавливались перед оголтелой клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено, например, что таким образом был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс.

Как видно из сообщения Министерства внутренних дел СССР, органы бывшего Министерства государственной безопасности грубо нарушили советскую законность, допустили произвол и злоупотребление властью. Подобные преступные действия не могли долго оставаться неразоблаченными и безнаказанными, ибо Советское правительство стоит на страже прав граждан нашей страны, заботливо эти права охраняет, строго карает, невзирая на лица и чины, тех, кто допускает произвол.

Коммунистическая партия и Советское правительство неизменно требовали и требуют, чтобы работа всех наших организаций, всего государственного аппарата находилась под бдительным контролем руководящих органов и всего советского общества. Теперь, когда советский народ так глубоко чувствует и сознает значение победы социализма в нашей стране, мы должны быть особенно бдительны и особенно требовательны в отношении соблюдения советской, социалистической законности.

Смело вскрывая недостатки в государственном аппарате, в том числе факты произвола и беззакония, допускаемые отдельными работниками государственного аппарата, со всей решительностью и непримиримостью искореняя эти недостатки, Советское правительство открыто и прямо говорит о них народу. Это свидетельствует о великой силе Советского государства, социалистического строя. Источник этой силы в том, что наше правительство тесно и неразрывно связано с народом, опирается на народ во всей своей деятельности, твердо и последовательно проводит политику, отвечающую жизненным интересам народа.

Страна социализма, полная несокрушимой мощи и творческих сил, уверенно идет по пути коммунизма. В Советском Союзе давно ликвидированы эксплуататорские классы. Поэтому зарубежные реакционные силы в своих попытках вести подрывную деятельность против Советского государства не могут иметь внутри нашей страны сколько-нибудь значительной социальной опоры. Но советские люди знают, что, пока существует капиталистическое окружение, есть и неизбежно будут в дальнейшем попытки забросить к нам шпионов, диверсантов. Будут и попытки использовать в антисоветских целях отдельных отщепенцев, носителей буржуазной идеологии, перерожденцев. Против этих действительных, явных и скрытых врагов народа, врагов Советского государства надо всегда держать порох сухим. Партия учит нас всегда быть бдительными.

В Конституции СССР записаны великие права граждан Советского социалистического государства. Статья 127-я Конституции СССР обеспечивает гражданам СССР неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Социалистическая законность, охрана прав советских граждан, записанных в Конституции СССР, — важнейшая основа дальнейшего развития и укрепления Советского государства.

Никому не будет позволено нарушать советскую законность. Каждый рабочий, каждый колхозник, каждый советский интеллигент может спокойно и уверенно работать, зная, что его гражданские права находятся под надежной охраной советской социалистической законности.

Гражданин великого Советского государства может быть уверен в том, что его права, гарантированные Конституцией СССР, будут свято соблюдаться и охраняться Советским правительством.

В этом — одно из важных условий дальнейшего тесного сплочения народов СССР вокруг своего Советского правительства, дальнейшего укрепления мощи нашей Родины и неуклонного роста международного авторитета Советского Союза.

(«Правда», 6 апреля 1953 года)

К 60-летию со дня рождения В. В. Маяковского

Союз советских писателей СССР образовал комиссию по проведению исполняющегося 19 июля 60-летия со дня рождения В. В. Маяковского под председательством заместителя генерального секретаря Союза советских писателей СССР К. Симонова. В ее составе — А. Сурков, С. Щипачев, И. Анисимов, М. Исаковский, Н. Грибачев, А. Софронов, Л. Маяковская и другие.

6 апреля на первом заседании комиссии был обсужден план проведения юбилея. С сообщениями выступили представители различных организаций и издательств.

60-летие В. В. Маяковского будет отмечено торжественным заседанием в Москве, литературными вечерами и чтениями. Намечено подготовить выставки, опубликовать статьи, освещающие жизнь и творчество талантливейшего поэта нашей советской эпохи. Гослитиздат, Детиздат и другие издательства готовят сборники избранных произведений В. В. Маяковского. Ему будут посвящены документальные фильмы и киноконцерт с участием мастеров искусств.

Конференция писателей Ставрополья

СТАВРОПОЛЬ. Закончила работу краевая конференция писателей Ставрополья. Доклад о работе краевого отделения Союза советских писателей сделал ответственный секретарь отделения И. Егоров.

Докладчик и выступавшие в прениях отметили, что за последние два года местные авторы создали ряд произведений, заслуживших одобрение советских читателей. Среди них роман С. Бабаевского «Свет над землей», удостоенный Сталинской премии. Московский театр драмы и комедии поставил пьесу С. Царского «Дорогой подарок». Черкесский поэт Х. Гашоков написал книгу стихов «Свет в горах», в которых воспевается радостная жизнь народов Черкессии.

В городах и районах края создано четырнадцать литературных групп, которые объединяют многие десятки начинающих писателей. Только в одной Черкесской автономной области сейчас работают тридцать два молодых автора.

Сергей АНТОНОВ

ДРУЗЬЯ

ОЧЕРК

1. Бытовая комиссия институтского общежития ежемесячно присуждала студентам лучшей комнаты абажур.

Это был обыкновенный шелковый абажур оранжевого цвета, без бантиков и оборок — простенькое изделие местной промышленности. Но счастливцы, оказавшиеся победителями в конкурсе на лучшую комнату, сразу снимали свой инвентарный абажур, каким бы красивым он ни был, и вместо него укрепляли почетный дар бытовой комиссии.

Оранжевый абажур бросался в глаза и безмолвно, но строго напоминал докучливым гостям: «Учтите — вы попали в лучшую комнату. Прошу не курить, не мешать готовить задания, и вообще возможно быстрей закрывать дверь с той стороны».

Комната, где жили студенты факультета гидротехнического строительства Саша Виноходов и Саша Почтивый, на первый взгляд, была чиста и опрятна. Так же, как и в других комнатах, на стенах ее висели репродукции с картин, а на двери — график дежурных по уборке, скрепленный неразборчивой подписью старосты. Однако эта комната ни разу не удостаивалась оранжевого абажура и голая пятидесятиваттная лампочка равнодушно сияла часов до трех ночи над чертежными досками, учебниками и чашками с недопитым чаем.

Жильцы этой комнаты не могли удовлетворить придирчивых членов бытовой комиссии: оба они были активными общественниками, из института возвращались поздно, и у них не хватало времени на генеральную уборку. Существовала и другая причина, начисто исключающая возможность получения ими переходящего абажура. Комендант Зоя Михайловна заметила, что с субботы на воскресенье к Саше Виноходову приезжал младший брат его — Виктор, и иногда норовил остаться ночевать, а это считалось нарушением правил внутреннего распорядка.

С братом у Саши Виноходова было много хлопот. Восемнадцатилетний Виктор еще не успел выбрать себе дело по вкусу. Семилетку он кончил в родном городе — в Якутске. Оставаться там ему не захотелось, он уехал и поступил в мореходное училище. Там ему почему-то не понравилось, и через год он отправился сперва в Калининград, к сестре, а потом под Москву, снял у чужих людей угол и устроился рабочим в артели, где делали шахматные фигурки. Думать о его дальнейшей судьбе, кроме Саши, было некому: отец умер в 1942 году, а мать-пенсионерка сама нуждалась в помощи и внимании детей.

Студенты ничего особенного не видели в том, что широколицый, улыбчивый сибирячок приезжает на ночь под выходной посоветоваться со старшим братом, как жить дальше; не было на их взгляд ничего страшного и в том, что после ночных разговоров до утра оставались неприбранными остатки скромного студенческого угощения.

Однако пришло время, когда ребята всетаки решили произвести генеральную уборку. Как-то Виноходову сообщили, что к ним в комнату поселят нового студента первого курса — гражданина Народной республики Албании.

— Причем товарищ говорит только по-албански. Так что вашей задачей будет помогать ему освоить русский язык.

Был намечен целый ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы навести порядок и встретить иностранного гостя как следует: во-первых, заменить шаткую койку, во-вторых, застелить новую скатерть, в-третьих, выкинуть из шкафа лишнее.

Албанский студент вошел неожиданно — как раз в тот момент, когда обсуждалась очередность проведения намеченных мероприятий. Это был высокий, смуглый парень.

— Панди Доляни, — сказал албанец.

Студенты познакомились.

— Вы на нашем факультете будете заниматься? — после недолгого молчания спросил Виноходов.

— Не понимаю, — ответил Панди на чистом русском языке.

— Ну, ничего. Поживем вместе, научимся понимать друг друга.

— Не понимаю, — снова сказал Панди.

Так побеседовали еще немного. Потом новый житель комнаты открыл чемодан и стал доставать учебники, среди которых был русский букварь для первого класса.

Усевшись поодаль, ребята озабоченно разговаривали. Почтивый недоумевал, как это Панди будет усваивать лекции, например, по теплотехнике, в которых даже и знающие русский язык разбираются не сразу. А Виноходов считал, что если Панди — парень крепкий и настойчивый, то своего добьется. Рассуждал так Саша Виноходов на основании опыта своей собственной жизни. Желание итти к цели не боковыми дорожками, а главным, может быть, самым трудным, но прямым путем, было отличительной чертой его характера. В 1950 он прочел постановления правительства о великих стройках и решил во что бы то ни стало сделаться специалистом по гидротехническим сооружениям. И несмотря на то, что знания, полученные в десятилетке, выветрились за время пребывания в армии, несмотря на то, что материальное положение семьи после смерти отца было нелегким, он стал готовиться к вступительным экзаменам в вуз и попал в Московский инженерно-строительный институт имени Куйбышева, получив требуемый жестоким конкурсом балл.

— Кровать больной, — внезапно сказал Панди, покачивая шаткую койку.

Ребята спохватились, что пора переходить от слов к делу, убрали комнату, заменили койку, и вскоре албанец Панди Доляни уснул под пейзажем Васильева, изображавшем русскую деревню, освещенную пробивавшимися сквозь облака лучами летнего солнца.

2. На следующее утро, к удивлению ребят, Панди, как ни в чем не бывало, пошел на лекции. И к еще большему их удивлению, он сразу же стал понимать почти все, что излагал профессор математики. Быструю восприимчивость Панди частично можно было объяснить тем, что значки интеграла и дифференциала пишутся одинаково в Москве и в Тиране, но выводы из формул, все то, что к написанным на доске значкам добавлялось словами, — каким образом понимал это Панди?

— Этот парень своего добьется, — сказал через неделю Саша Виноходов.

Оба Саши условились не обременять своего нового товарища лишними заботами и не включили его фамилии в график уборки комнат. Однако на этой почве между старыми друзьями иногда происходили ссоры. По вечерам, когда они вместе с Панди сидели над учебниками и чертежами, староста заводил разговор:

— Сашка, сегодня, кажется, снова пол не мели...

— Да, надо бы подмести, — неопределенно отвечал Виноходов.

— Конечно, пора подмести...

Некоторое время занятия продолжались молча.

— Я подметал вчера, — начинал Виноходов.

— Вчера ты подметал за себя, а сегодня надо бы подмести за него...

— Между прочим, мне завтра сдавать расчет бруса на внецентренное сжатие...

— А надо мной висят два задания. Между прочим, совесть надо иметь...

Панди казалось, что ребята ведут приятельский разговор и называют друг друга ласкательно — «Сашка». Он жалел, что не может принять участие в беседе, прислушивался и, наконец, спрашивал:

— Сашка, что такое «между прочим»?

— Видишь ли, Панди, это понятие абстрактное, — начинал Виноходов, но вскоре махал рукой, вытирал лоб и говорил Почтивому. — Вот что. Педагогических способностей у меня нет и никогда не будет. Лучше подмету пол, а ты продолжи объяснение...

Почтивый решительно откладывал чертежи.

— Вот, Панди, смотри, — говорил он, — что лежит на столе? Это — сигареты, это — зеркало, это — чертежная доска, это — тушь, это — колбаса... — он взмахивал руками, как фокусник, и продолжал: — Это все. И между этим всем — спички. Спички между прочими предметами. Между прочим. Понятно?

— Да, да, Сашка. Спички между прочим, — кивал головой Панди.

Поздно вечером приехал Виктор. Панди уже знал, что у Саши Виноходова есть братишка, и с интересом рассматривал невысокого, крепкого паренька, досадуя, что не может расспросить, как живут люди в Якутии при пятидесятиградусном морозе.

Однако, прислушиваясь к разговору братьев, Панди кое-что понял.

Он понял, что Виктору не терпится поработать на великих стройках. Саша объяснял, что для великих строек нужны люди с образованием, и советовал брату итти в восьмой класс — учиться.

— Это длинное дело, — возражал Виктор. — Пока выучусь, все великие стройки построят.

— Не беспокойся, — говорил Саша, — начнутся еще более великие... А потом вообще у нас все стройки великие...

Но Виктора не так-то легко было убедить. Он был упрям, этот Виктор, и с каждой минутой все больше нравился Панди. И когда Виктор, сунув в рот сигарету, стал глазами искать спички, Панди спросил:

— Ты хочешь между прочим?

— Что? — растерянно проговорил Виктор, которого и без того несколько испугал странный студент, внимательно читавший букварь.

— Тебе надо между прочим? — и Панди достал из кармана спички.

— В результате твоего остроумного объяснения Панди теперь долго будет называть спички «между прочим», — сказал Виноходов Почтивому. — В его памяти слова заклиниваются удивительно крепко.

— Что такое «заклиниваются»? — спросил Панди.

Виноходов и Почтивый опасливо посмотрели друг на друга. Обучение русскому языку оказывалось не таким простым делом, как они думали.

— Это слишком отвлеченное слово, — сказал Почтивый. — И почему у нас до сих пор не издадут русско-албанского словаря! Ну как ты объяснишь — «заклинивать»?..

— А очень просто, — ответил Виктор, улыбнувшись своей обычной, немного застенчивой улыбкой. — Смотрите, Панди... как вас по отчеству?..

— В Албании не называют по отчеству, — сказал старший брат. — Называй просто: Панди...

— Вот, Панди, смотрите... — Виктор сунул карандаш острием в щель между дверью и полом и попробовал отворить дверь. Она открылась туго. — Видите, заклинилась!

— Понятно! — обрадовался Панди. — По-албански: «мбюл».

— Мбюл — повторил Виктор.

Недели через три Панди совсем привык к обоим Сашам; его уже не удивляло, что они, не спрашивая разрешения, берут друг у друга булку или колбасу и любят непонятное кушанье под названием «щи», состоящие из жирной воды и капусты.

Через месяц Панди стал довольно свободно разговаривать по-русски. Заметили это ребята случайно. Во время очередного спора насчет того, кому подметать комнату, он вдруг поднял голову, прислушался и спросил:

— А между прочим, когда моя очередь убирать помещение?

Ребята расхохотались, включили его фамилию в график и начали называть Панди на русский манер — Павлом Дмитриевичем.

Дружба, как и всякая настоящая дружба, возникла незаметно.

3. Седьмого ноября три приятеля устроили в своей комнате вечер. Панди повязал самый красивый галстук. Почтивый щеголял в новых, ужасно жавших ноги, ботинках. Виноходов собственноручно изжарил котлеты. Знакомые девушки из университета пришли с патефоном и с такими пластинками, под которые невозможно не танцевать даже в тесных ботинках.

На вечере присутствовал Виктор.

Несколько дней назад Панди получил письмо от товарища-студента из Тираны и по просьбе гостей прочел его вслух. Письмо было написано в укоризненном тоне: «Что же ты так мало сообщил о метро? — огорченно спрашивал студент из далекой Албании. — Ты опиши подробно все, что видел. Опиши каждую станцию, как она выглядит: какие там полы, какие стены, какой потолок. На одной станции есть, говорят, разноцветные окна. Я не понимаю: какие могут быть окна под землей?.. Нет ничего удивительного в том, что ты в первый день четыре раза опускался и поднимался на эскалаторе. Если бы я был там, я бы четыреста раз опустился и поднялся...»

Виктор ухмыльнулся, дожевывая котлету.

— Ты не смейся, — задумчиво проговорил Панди, складывая письмо, — конечно, ему надо знать про метро. У нас в Албании начинают строить социализм. Всем хочется увидеть, что такое социализм. В Советском Союзе я вижу глазами готовый социализм... Как это лучше объяснить?.. — Панди немного подумал и продолжал: — Вот, если бы была сейчас такая страна, где есть готовый коммунизм, где люди живут в окончательном, — правильно я говорю? — в окончательном коммунизме. Интересно было бы тебе, Виктор, увидеть эту страну?

— Конечно, интересно, — сказал Виктор, — и полезно.

— Но еще интересней строить коммунизм в первый раз, — добавил старший Виноходов.

— Конечно, правильно, — продолжал Панди. — А нам интересно видеть Советский Союз. Интересно и полезно... Мой товарищ — красивый, высокий, был хороший партизан. Мой товарищ хочет знать про метро. Конечно, хорошо знать про метро. Но не про это надо ему писать. Надо писать самое главное. А я пока не знаю, как писать самое главное.

— Вашему товарищу тоже надо побывать у нас, — сказала одна из девушек.

— Все хотят побывать — правильно я говорю? Побывать в Советском Союзе. Сейчас я вам скажу, как я узнал, что поеду в Советский Союз. Летом у нас был экскурсион мира. Мы шли пешком. И по дорогам шли, и без дороги — по горам. В деревнях собирали народ, говорили про мир, про строительство, про комбинат имени Сталина. Крестьяне очень интересуются... Четвертого сентября пришли к Тиране. Смотрю, мой товарищ сидит, читает газету. «Что ты мне подаришь, если я тебе буду говорить хорошую новость?» — сказал товарищ. Я сразу понял. У нас в газетах печатают, кто едет в Советский Союз. «Дай газету», — сказал я. «А что ты мне подаришь?» Я взял газету. Правда: еду в Советский Союз... Мы делали экскурсии мира в партизанской униформе — в знак памяти партизан, освободителей родины. Я взял револьвер и — бах в воздух — от радости!..

— Ты расскажи, как помогал партизанам, — попросил Саша Виноходов.

— Не знаю, что говорить, — поморщился Панди. — Я не был партизаном. Давайте танцевать...

— Расскажите...

— Я был мальчишка... Меня не брали в партизаны... Не надо это говорить. Давайте танцевать лучше...

— Почему же не надо, — возразил Виноходов. — Их, ребятишек, в 1943 году оккупанты заставляли сортировать боеприпасы. Панди, сколько тебе тогда было лет?

— Двенадцать, — недовольно ответил Панди.

— Ну вот. Оккупанты огородили школу колючей проволокой и устроили там склад. А у партизан было туго с патронами. Когда охрана не видела, Панди и другие ребята бросали патроны через проволоку в ручей.

— Там речка есть, за школой, — пояснил Панди.

— А другие ребята бродили по берегу, замечали, куда патроны падают, а вечерком доставали их и переправляли партизанам. Вот учти, — обратился старший Виноходов к Виктору, — с каких лет Панди стал приносить пользу своей родине...

— Зачем ты это говоришь? — снова поморщился Панди. — Это давно было... Теперь совсем другие дела надо делать...

— Ты и делаешь другие дела — учишься, — сказал Виноходов, — героически учишься, если говорить серьезно...

— Давайте танцевать, ребята.

— Надо бы с тобой, Панди, поближе познакомить некоторых наших студентов, которые сидят на лекциях только потому, что боятся, как бы папаша не позвонил в деканат... Есть еще у нас такие неопределенные люди... Вот и Виктор еще не определился...

— А почему ты знаешь, что я не определился? — спросил Виктор.

— Учиться надо.

— Я и учусь.

— Где же ты учишься?

— В вечерней школе. С прошлой недели. В десятом классе.

— В каком?

— В десятом.

— Как же тебя туда взяли? — удивился Саша. — Ведь ты только семь классов кончил?

— А в мореходке год я учился или нет? И, кроме того, готовлюсь, подгоняю...

— И думаешь, усидишь в десятом классе до конца года?

— Усижу, — уверенно проговорил Виктор и принялся за вторую котлету.

— Это хорошо! — воскликнул Панди. — Теперь я знаю, что надо написать моему товарищу. Про Виктора надо написать!

— Подожди. Рано еще, — заметил Саша Виноходов, отодвигая стол в угол.

4. Студенты Инженерно-строительного института имени Куйбышева живут в разных районах города, в трех общежитиях. И несколько раз в течение учебного года в институтском просторном клубе устраиваются вечера дружбы студентов трех общежитий.

Весной 1952 года Панди и Саша Виноходов отправились на такой вечер.

В фойе было шумно. У входных дверей стояли распорядители с красными повязками на рукавах.

Заразительно молодое веселье и радостная неразбериха по-домашнему непринужденных студенческих вечеров! Я знаю по собственному опыту, что через много лет и Панди и Саша Виноходов со светлой грустью будут вспоминать, как придирчиво проверяют распорядители пригласительные билеты и сдерживают натиск посторонних, как без перерыва играет духовой оркестр, состоящий из студентов разных курсов и факультетов, как под звуки этого оркестра танцуют и в двух залах, и в коридоре, и возле раздевалки, как, толкаясь в толпе, девчата раздают написанные по всем правилам технического черчения номерки для игры в почту, как, весело смеясь, танцует с высоким парнем девушка в синем платье и трубач из оркестра ревниво косит глазом в ее сторону...

В мелькающих парах можно было увидеть китайцев, корейцев, чехов, венгров, румын, албанцев. Много студентов разных стран учится в Московском строительном институте.

Взволнованный первокурсник, только что получивший «по почте» коротенькое послание, ходил между зрителями и тихо что-то спрашивал то у чеха, то у китайца. Они отвечали ему, сочувственно улыбаясь. Он подошел и к Панди и спросил, как по-албански «я вас люблю». Ему было необходимо выразить своей избраннице чувства на всех языках мира. Панди деловито сообщил, как звучит эта вечная фраза не только по-албански, но и по-гречески.

Потанцевав, студенты пошли в зал смотреть самодеятельность. Панди и Саша Виноходов сели вместе.

— Почему давно не приезжает Витька? — спросил Панди.

— Некогда ему. Учится.

— В десятом классе?

— В десятом.

— Крепко сидит?

— Кажется, крепко. Отметки хорошие.

— Молодец, — похвалил Панди.

На сцену вышли два студента. Старательно подражая Березину и Тимошенко и сильно смущаясь, они вели конферанс. Зрители знали, что оба конферансье, проводя время на репетициях, сорвали сдачу заданий в срок, и смотрели на них сочувственно, хотя полагалось бы смотреть укоризненно. Один изображал прилежного студента, другой — лентяя.

— Скажи, пожалуйста, какой ток подводится к трамваю — постоянный или переменный? — спрашивал прилежный студент.

— Переменный... — отвечал лентяй.

Зал смеялся.

— Я недопонял вопроса... — повторял лентяй стереотипную фразу «плавающего» студента. — Конечно, постоянный...

— А что было бы, если бы подавался переменный? Как двигался бы трамвай?

Лентяй задумывался и отвечал наконец:

— По синусоиде.

Зал захохотал. Студенты умудрялись извлекать шутки даже из таких серьезных предметов, как математика и электротехника.

На сцене один за другим появлялись певцы, скрипачи, танцоры, декламаторы. И русских сменяли китайцы, китайцев — грузины, грузин — чехи, чехов — армяне. И в тот момент, когда молодая семья молодых граждан свободных стран запевала песню дружбы, Панди вдруг вспомнились слова его отца, сказанные давным-давно, еще в то время, когда в Албании хозяйничали итальянские оккупанты: «Если когда-нибудь к нам придет свобода, — сказал отец, — то придет она из Советского Союза...»

— Саша, — обратился Панди к Саше Виноходову, — когда Виктор кончит школу, надо, чтобы он шел к нам в институт. Помоги ему устроиться в нашу комнату.

— Я ему не нянька, — сказал Саша, — пусть сам пробивается. Пусть привыкает к жизни. Если хорошо кончит школу, — остальное приложится.

5. Сейчас, когда пишется этот очерк, в комнате 170-й одного из корпусов студенческого городка живут уже четверо: студенты 3-го курса факультета гидротехнического строительства Саша Виноходов и Саша Почтивый, студент 2-го курса Панди Доляни и студент первого курса Виктор Виноходов.

Саша Почтивый попрежнему вывешивает графики дежурств по уборке комнаты и скрепляет их своей неразборчивой подписью.

Саша Виноходов реже обращается с нравоучениями к младшему брату, потому что первый раз за два с половиной года сам «схватил» две тройки — из-за перегрузки общественными делами.

А письма Панди на родину становятся все длинней и обстоятельней...

НОВАЯ ПОБЕДА СТРОИТЕЛЕЙ МОСКОВСКОГО МЕТРО

Давным-давно, восемнадцать лет назад, вступили в строй первые станции московского метро. Сейчас глубоко под улицами столицы сверкают мрамором и позолотой уже сорок два дворца-станции, а общая протяженность тоннелей превышает в однопутном исчислении сто километров.

Многие станции первой очереди расширились благодаря присоединенным к ним новым станциям Большого кольца и других линий. А вот «Арбатская», «Смоленская» и «Киевская» оставались в своем первоначальном виде. В последние годы стало чувствоваться, что они несколько тесны для нынешнего размаха советской столицы. Поэтому и приступили метростроевцы к созданию новой линии, идущей от площади Революции до Киевского вокзала параллельно старому пути.

В субботу, пятого марта, состоялся торжественный митинг, посвященный окончанию строительства и вступлению в строй нового Арбатского радиуса. На новую станцию «Арбатская» спустились представители трудящихся столицы и строителей подземной дороги. Они входили со стороны улицы Калинина в наземный вестибюль станции «Библиотека имени В. И. Ленина» и попадали на станцию «Арбатская». Эта самая большая теперь станция метро представляет собою нечто вроде сказочной подземной улицы протяжением около четверти километра! Ее полированный пол из красного и черного камня отражает бесконечные своды и колонны, освещенные люстрами, похожими на золотые букеты цветов.

Гигантская станция построена по проекту Л. Полякова и В. Пелевина в небывало короткий срок — за год и один месяц! Монументален ее наземный вестибюль, выросший за старым павильоном, который кажется сейчас совсем маленьким.

В вестибюле люди подолгу стоят у мозаичного портрета товарища И. В. Сталина работы художника лауреата Сталинской премии Г. Опрышко. Его произведение дышит подлинным талантом.

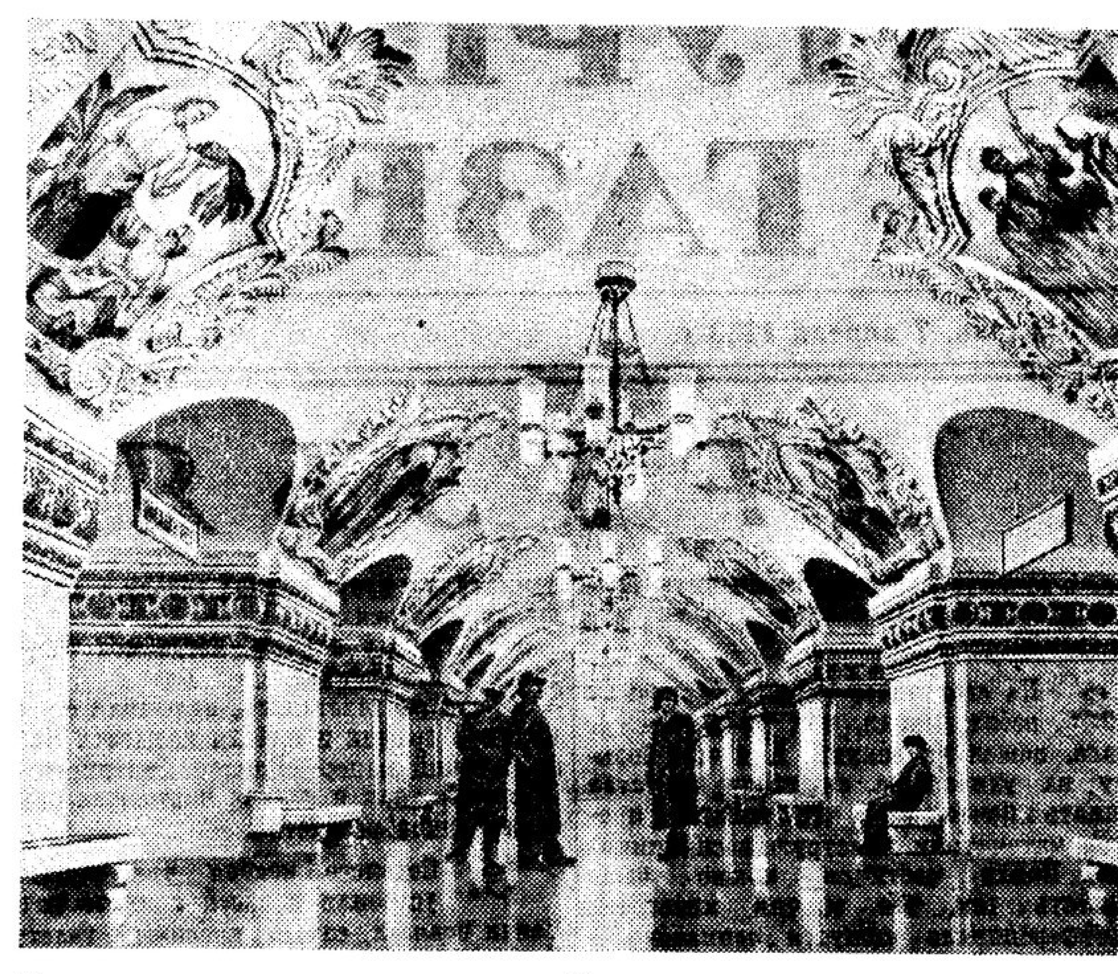
На митинге при открытии станции руководитель ее строительства М. Сеткин сказал:

— Сооружение новых прекрасных подземных дворцов является одним из ярких проявлений неустанной заботы партии и правительства о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей.

Начальник Метростроя Н. Губанков рассказал о том, как нарастающими темпами работ на стройке столичной подземной железной дороги, какой новой мощной техникой оснащает страна труд ее строителей. Он говорил о героях стройки, коммунистах-проходчиках В. Кафанове и С. Выходцеве, С. Семенове и В. Овечкине — бригадирах кессонщиков, работавших в труднейших условиях среди плывунов; о подземных штурманах — маркшейдерах А. Алексееве и Н. Савельеве, столь умело определивших пути движения подземных щитов, что тоннели соединились с точностью до двух миллиметров, и о других славных строителях.

Проходчик М. Епифанов рассказал о стахановском труде комсомольско-молодежных бригад; заместитель министра путей сообщения И. Гоциридзе и секретарь Московского городского комитета КПСС И. Капитонов поздравили метростроевцев с новой победой.

Радостное сообщение пришло во время митинга: между станциями «Киевская-кольцевая» и «Парк культуры» произошла сбойка левого тоннеля кольцевого радиуса. Так скоростники-проходчики этого радиуса приняли участие в торжественном митинге, на котором они лично не могли присутствовать.

Метростроевцы передают свое детище в руки метрополитенцев. Под аплодисменты перерезается красная ленточка. К платформе подходит поезд, и участники митинга заполняют вагоны.

Через две минуты мы оказываемся на станции «Смоленская». Лампы дневного света, отражаемые нежным мрамором, создают впечатление чудесного солнечного дня, и как-то не верится, что мы находимся глубоко под землей. Станция затмевает блеском и свою скромную предшественницу — старую станцию «Смоленская». Архитекторы Н. Рожин и Г. Яковлев, О. Великорецкий и А. Стрелков посвятили ее оформление военной славе русского оружия, великим победам нашей Советской Армии. В то же время во всем подчеркнута целесообразность и, я бы сказал, деловитость станции, расположенной в столь людном районе столицы. Ее вестибюль скромно вписан в ворота одного из домов.

Дальше поезд проносится под руслом Москвы-реки, и через несколько минут двери вагонов снова плавно раскрываются: перед нами станция «Киевская». Авторы ее проекта молодые архитекторы Л. Лилье, В. Литвинов, М. Марковский и В. Добровольский с удивительным изяществом использовали в архитектурном оформлении станции украинские орнаменты. На ее осмотр уходит много времени — приковывают внимание двадцать настенных картин о жизни украинского народа.

На второй день после торжественного открытия нового радиуса я вновь побывал в его подземных дворцах. Напряженная жизнь метро — самого быстрого и удобного транспорта столицы — уже переместилась и сюда: тысячи людей поднимаются и спускаются по движущимся лестницам, спешат по своим делам. Но таково, видно, свойство московского метро и других великих строительств нашей эпохи, что прикосновение с ними придает праздничность любому будничному делу. Люди, обремененные чемоданами, спешащие на Киевский вокзал, все-таки выходят на каждой станции и подолгу рассматривают новые прекрасные сооружения.

Скоро метростроевцы преподнесут москвичам новый подарок — предстоит завершение строительства Большого кольца.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

НА ФОТО: новая станция метро «Киевская»

Фото И. АКУЛЕНКО

Будущее Выборга

ЛЕНИНГРАД. (**Наш корр.**). Группа архитекторов института «Ленгипрокоммунстрой» закончила составление проекта планировки и застройки города Выборга.

Выборг — старинный русский город. Он вырос на месте небольшого торгового поселения, основанного новгородцами в устье реки Вуоксы. Первый генеральный план застройки Выборга был разработан в 1861 г. В соответствии с ним возникла главная городская магистраль (ныне улица Ленина) и разбит широкий бульвар на месте снесенных крепостных стен.

Нынешний проект продолжает исторически сложившееся направление развития города. Авторы проекта — архитекторы Л. Малковеев и М. Плеханова — предусматривают создание нового городского центра в районе Красной и Театральной площадей. Здесь будут сооружены: Дом Советов, Дом культуры железнодорожников, городской театр на 800 мест, построены многоэтажные жилые дома.

Улица и бульвар имени Ленина будут продолжены и свяжут удобным прямым путем северную и южную части города. В районе стадиона разбивается парк. Общее количество «зеленой площади» в городе возрастет более чем втрое. Благоустраиваются набережные, будет устроено несколько новых пляжей.

Проект предусматривает также реставрацию и восстановление памятника Петру Первому, Выборгской крепости, Круглой и Часовой башен и других памятников архитектуры.

КНИГИ СТАРОГО МОРЯКА

ЯРОСЛАВЛЬ. Ярославское областное издательство выпустило книгу «На Волге», написанную старым моряком А. Магдалинским, прослужившим в морском и речном флоте более пятидесяти лет. В одной из глав романа «Цусима» А. Новикова-Прибой рассказывает о подвиге боцмана крейсера «Олег» Магдалинского, предотвратившего взрыв на корабле. В составе команды крейсера А. Магдалинский участвовал в Цусимском сражении, затем служил на крейсере «Аврора». Более тридцати лет он плавал на волжских пароходах. В наши дни Магдалинский проводит большую работу по подготовке молодых кадров речного флота.

В книге «На Волге» Магдалинский описывает тяжелую жизнь волжских речников до Великой Октябрьской социалистической революции. Это — продолжение его книги «На морском распутьи», написанной по совету А. Новикова-Прибоя.

Сейчас старый моряк пишет третью книгу, в которой рассказывается о жизни волжских речников в наши дни.

Рисунки Михаила Почукаева

Тульские оружейники издавна славятся как искусные мастера тонкой работы. Граверная — одно из старейших зданий завода — была построена на средства, собранные самими оружейниками. Здесь воспитываются умельцы, достойные потомки легендарного Левши. Двери, скобы, лестницы, мебель — все выглядит как-то парадно, на любом предмете видны тончайшая резьба, чеканка, насечки. Это память о тех, чьи умелые руки прославили тульских художников, оружейников.

К этой плеяде принадлежит и Михаил Исаевич Почукаев, награжденный за свой искусный труд орденом Ленина. Высоким мастерством, тонкостью и сложностью его искусной работы восхищается каждый, кому приходится видеть микроскопические «полотна» Почукаева.

Сорок лет назад подростком пришел он на завод и с тех пор занимается гравировкой стволов охотничьих ружей. Смотришь на них и диву даешься — какая работа! Словно это стекло оконной рамы, украшенное причудливыми узорами декабрьского мороза.

Досуг оружейник проводит за микрогравюрами, которые даже в Туле способен делать только один он. Вот круглое стеклышко величиной с пятикопеечную монету. Оно кажется совсем чистым. Но стоит посмотреть в микроскоп, как сле заметные линии сразу превращаются в серию рисунков, исполненных искусной рукой художника. Легендарный Левша подковывает «аглицкую» блоху. Обутый в сапоги, одетый в длинную домотканную рубаху, он размашисто левой рукой бьет по гвоздям подковы. Блоха стоит, привязанная веревкой к толстому столбу. Весь рисунок размещен в квадрате, каждая сторона которого равна четырем миллиметрам. На подковах в десятых миллиметра надпись: «Тула, Левша».

На соседнем рисунке — высотное здание Московского университета. Перед дворцом — широкое шоссе, в два ряда — кудреватые деревья, по асфальту идут колонны автомашин, а в небе плывут облака. Основание картины четыре, а высота — три миллиметра.

Рисунок, посвященный борьбе за мир во всем мире. Земной шар, опоясанный широкой лентой. На ленте — голубь мира с веткой в клюве, и надпись: «Миру — мир». Вокруг земного шара — портреты лауреатов международных Сталинских премий, а сверху, в солнечных лучах портрет великого вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина. Вся композиция увенчана гирляндами дубовых веток. Эта микрогравюра занимает квадрат, каждая сторона которого также равна четырем миллиметрам. Когда смотришь на нее через увеличитель, чувствуешь, что автор не только искусный гравер, но и большой художник: так выразительны лица на созданных им портретах.

Предела мастерства Почукаев достиг в гравюре, на которой написал текст нашего Государственного Гимна. В прямоугольнике высотой в три миллиметра он разместил весь текст Гимна — 24 строки! Величина букв — пять сотых миллиметра. Буквы выведены ровно, от линеечки до линеечки. Над текстом — Герб Советского Союза.

Много уникальных работ у гравера Почукаева, все они микроскопичны, каждая из них, если смотреть через мощный увеличитель, выглядит большим художественным полотном.

Рисунки Почукаев наносит на стекло, когда в доме водворяется полная тишина. Кладет перед собой оригинал, берет микроскоп и начинает вырезать. Под микроскопом линии кажутся длинными, тогда как на самом деле они составляют сотые доли миллиметра. Сложность в том, чтобы перенести микроскопический рисунок на стекло, сохранив его художественную силу.

— Самое трудное, — говорит гравер, — это сочетать резьбу с биением сердца. Пульс мешает. Резец должен замереть, а пульс толкает руку! Приходится линии наносить урывками, в промежутках от одного удара сердца до другого!

ТУЛА

Ив. МОРДАШОВ

В Центральном Комитете КПСС

Решением Пленума Центрального Комитета КПСС т. Игнатьев С. Д. освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПСС.

Пьеса о мужестве корейского народа

Театр имени Ленинского комсомола поставил на своей сцене правдивую, талантливую пьесу французского драматурга Роже Вайяна «Полковник Фостер признает себя виновным».

История этой пьесы уже известна советскому зрителю. Ее первая постановка, осуществленная в парижском театре «Амбигю» французским прогрессивным режиссером Луи Дакэном, была сорвана полицией. Во время спектакля группа бандитов ворвалась на сцену, начала избивать актеров, ломать декорации. В зрительный зал полетели ампулы со слезоточивым газом. Возмущенные зрители выбросили фашистов на улицу. Но подоспевшая полиция стала на сторону громил. Представление было прекращено, публика разогнана, а на следующий день парижский префект Бейло запретил спектакль.

Почему пьеса Роже Вайяна вызвала такое яростное бешенство французской реакции? Ответ на этот вопрос дает ее содержание. Роже Вайян беспощадно разоблачает самое существо империалистической агрессивной политики в корейских делах. Его пьесу отличает правильная и точная расстановка политических сил. Кто стоит на стороне полковника Фостера? Предатель, лисьимановец Чен Вон Тек, южнокорейский капиталист, которого ненавидят простые люди и который уповает лишь на вмешательство извне. Против полковника Фостера — весь народ.

Как честный человек, которому дорога судьба своего отечества, Роже Вайян понял, к каким катастрофическим последствиям может привести Францию политика, поддерживающая агрессию. Пьеса, разоблачающая эту политику, явилась боевым заявлением писателя, который летом прошлого года вступил в коммунистическую партию — партию патриотов, передовых борцов за мир во всем мире. Читателю известно, что пьеса Роже Вайяна была высоко оценена секретарем Коммунистической партии Франции Жаком Дюкло. Запрещенная на родине драматурга, она нашла свое сценическое воплощение в демократических странах. Театр «Амбигю», выехавший на гастроли в Варшаву, показал ее польскому народу. Ее постановка осуществлена в Берлине, Праге, Пхеньяне, Будапеште и других городах мира.

Образы, созданные Роже Вайяном, глубоко правдивы, обладают большой выразительностью, и коллективу театра имени Ленинского комсомола (режиссеры С. Гиацинтова и С. Штейн) удалось в большинстве случаев добиться их правдивого сценического воплощения.

Начинается спектакль. На сцене — полковник Фостер, лейтенант Мак-Аллен, сержант Паганель.

Фостер — гладко выбритый, сутуловатый человек с благообразным лицом и утомленным взглядом. Таким он предстает перед зрителем в изображении артиста А. Пелевина. Это человек, получивший классическое образование. Но вот идет спектакль, чередуются события, и постепенно маска благородного «освободителя» сползает с лица Фостера. Он болтает о Мане, Ван Гоге, но за лицемерными словами «любителя прекрасного» скрываются те же гнусные мысли, что и у Мак-Аллена. Фостер произносит одну за другой высокопарные фразы без особого выражения, он выглядит, как ученик, затвердивший урок... В последнем акте Фостер — уже без маски. Это злобный и жестокий враг. Греческий язык забыт, не произносятся тирады о благородстве и гуманности. Фостер, не колеблясь, приказывает сжечь древний буддийский храм, уничтожить город и расстрелять пленного.

Менее удачно, на наш взгляд, играет роль лейтенанта Мак-Аллена артист Л. Марков. Мак-Аллен по замыслу драматурга — откровенный убийца и насильник. К сожалению, в спектакле Мак-Аллен похож скорее на легкомысленного парня, чем на сознательного исполнителя преступных приказов.

Сержант Паганель — один из тех американцев, которые весьма далеки от коммунизма и коммунистических идей, но которые очень хорошо поняли, что от сохранения мира на земле зависит и их будущее. Они начинают сознавать, что империалисты тянут простых людей в пропасть. В Америке, где движение сторонников мира не обрело еще достаточной силы, много таких вот людей, подчас еще колеблющихся, еще очень непоследовательных, но постепенно приходящих к правильному выводу, к правильному взгляду на вещи.

Образ Паганеля должен вызывать у зрителя симпатии, сочувствие. Однако артист Д. Иванов, исполняющий эту роль, озабочен прежде всего тем, как бы позабавить зрителя, и поэтому нередко снимает драматичность, присущую образу.

Зритель, несомненно, запомнит сатирический образ Чен Вон Тека, созданный артистом В. Брагиным. Человек без идей, без принципов, жадный стяжатель, Чен Вон Тек циничен и жесток. Взаимоотношения Фостера и Чен Вон Тека показывают одну из сторон американской интервенции в Корее. «Здесь в принципе вы можете положиться только на воров и полицейских, но и последние не всегда надежны», — говорит Чен Вон Тек Фостеру. В то же время он чувствует свою слабость. Его никто не поддерживает ни в народе, ни в семье. От него отказывается его собственная дочь Чен Пак Сер (артистка А. Козлова), которая вступает в коммунистическую партию и мужественно борется за освобождение своей родины.

Одно из самых сильных мест пьесы — сцена, где Ман Сен Док, которого должны через несколько минут расстрелять, мечтает о будущем Кореи; он мечтает на месте сожженного города выстроить замечательный новый город из белого камня, он мечтает о времени, когда грозовые поля будут звенеть песнями. В словах Ман Сен Дока чувствуется несокрушимая воля, уверенность в победе, в светлом и радостном завтрашнем дне. Драматург наделил своего героя глубокими чувствами и мыслями; он дал ему определенную биографию. Но вместе с тем портрету мужественного патриота недостает глубины. Он написан несколько плоскостно, так же как и немногие присутствующие в пьесе портреты других партизан. А потому и в изображении актера Г. Карнович-Валуа Ман, образ честного и мужественного патриота, любящего свою страну, в известной мере схематичен и плакатен.

В спектакле есть и другие недостатки. Постановщикам не удалось создать на сцене атмосферу вражеского нашествия. Спектакль начинается в чересчур спокойных тонах. В третьем акте заметно ослабевает напряженность действия, — оно идет в замедленном темпе.

При всем том спектакль обладает большой разоблачительной силой. В нем подняты самые острые вопросы современности: мир, борьба за свободу и независимость. В сцене — один эпизод корейской войны. Но на этом эпизоде драматургу и театру удалось раскрыть смысл событий, переживаемых корейским народом.

О. ПРУДКОВ

Отражать многообразие жизни

Т. ТРИФОНОВА

Труды товарища Сталина являются прочной идейной основой для решения насущных проблем литературы. Его последняя гениальная работа «Экономические проблемы социализма в СССР» дает научное решение великих социальных проблем и программных вопросов построения коммунизма. Имея величайшее значение для марксистско-ленинской теории, для всей нашей практической деятельности, труд товарища Сталина вместе с тем вооружает нас методологически. Отбрасывая одну за другой различные несостоятельные формулировки основных законов капитализма и социализма, отражающие второстепенные стороны действительности, товарищ Сталин сосредоточивает внимание на главных, существенных, решающих признаках. И в капитализме и в социализме имеются и другие черты, другие признаки, другие частные закономерности, кроме тех, которые отражены в сталинском определении основных законов. Но товарищ Сталин выделил и ярко осветил самую сущность явлений; благодаря этому истина выступила с исчерпывающей отчетливостью и ясностью. Этот гениальный образец научного обобщения помогает советскому искусству в решении проблемы правдивости и художественного обобщения.

Если в науке обобщение выступает в форме закона, то в искусстве оно облекается в форму типических образов. Если в науке истина выступает в форме абстрагированной, то в искусстве она облекается в форму конкретных явлений. Но и в науке и в искусстве главная задача состоит в раскрытии истины, т. е. сущности явлений.

«Пишите правду», — говорил товарищ Сталин, обращаясь к советским писателям. В свете этой главной задачи в равной мере несостоятельны всякие имевшие хождение в отдельных критических статьях теории «приукрашивания» действительности и путаные высказывания о том, что будто бы необходимо «преувеличивать истину».

Задача типизации состоит не в том, чтобы преувеличивать истину, а в том, чтобы открывать и показывать ее. А для того, чтобы истина, обнаруженная художником в самой жизни, но часто на первый взгляд незаметная, была ясно видна и вполне понятна, художник имеет право и даже обязан выдвинуть сущность явления на первый план и осветить особенно ярким светом, отбросив второстепенное и несущественное. В этом и заключается преувеличение и заострение образа — образа, а не истины.

Политический смысл типизации, как основной сферы проявления партийности в искусстве, в том и заключается, что художник сознательно отбирает существенные явления действительности и, отбрасывая несущественные черты, воплощает жизненную правду в конкретных, живых образах.

Определение типического, данное тов. Г. М. Маленковым в отчетном докладе на XIX съезде партии, основано именно на таком понимании искусства. Именно потому, что не эмпирическое, объективистское фиксирование фактов, а глубокое проникновение в сущность явлений составляет главную задачу искусства, литература социалистического реализма не может удовлетворяться бескрылым, «среднеарифметическим» пониманием типического и должна стремиться к сознательному преувеличению и заострению образа во имя раскрытия жизненной правды.

Задача нашей теории и критики состоит в том, чтобы, опираясь от основополагающих указаний товарища Сталина, выполнить задачи, поставленные перед литературой XIX съездом партии, разрабатывать конкретные способы правдивого отражения жизни в типических образах искусства.

Яркость и типичность характеров в очень сильной степени зависят от общей композиции произведения, от того, в каком соотношении находятся персонажи и какое их место в изображенных писателем обстоятельствах. Мы часто забываем, что убедительность, яркость и правдивость художественного образа в значительной степени зависят от типичности обстоятельств. А ведь формула Энгельса о том, что реализм подразумевает «верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах», обязательная для критического реализма, сохраняет свою силу и для реализма социалистического.

Интересно вспомнить высказывание Чернышевского по поводу композиционной роли образа Рахметова. Утверждая, что Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов «не больше, как обыкновенные порядочные люди нового поколения», и что их не следует считать исключительными, Чернышевский писал: «Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей сбилось бы с толку насчет главных действующих лиц моего рассказа. Я держу пари, что... Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов казались большинству публики героями, лицами высшей натуры, пожалуй, даже лицами невозможными в действительности по слишком высокому благородству».

Создавая образ Рахметова, Чернышевский стремился не только показать выдающегося положительного героя, но и подчеркнуть, что остальные герои при всех своих высоконравственных положительных качествах — в то же время все-таки не более как рядовые представители «нового поколения»; образ Рахметова выполнял задачу освещения всех персонажей, определял их масштаб. Чернышевский сам говорил об этом: «Первое требование художественности состоит в чем: надобно изображать предметы так, чтобы читатель представлял себе их в истинном их виде. Например, если я хочу изобразить дом, то надобно мне достичь того, чтобы он представлялся читателю именно домом, а не лачужкою и не дворцом... Человек, который не видывал ничего, кроме лачужек, сочтет изображением дворца картину, на которой нарисован так себе, обыкновенный дом. Как быть с таким человеком, чтобы дом показался ему именно домом, а не дворцом? Надобно на той же картинке нарисовать хоть маленький уголок дворца; он по этому уголку увидит, что дворец — это, должно быть, штука совсем уж не того масштаба...».

Чернышевский хорошо понимал, что только показанная в реальном, жизненном окружении может быть до конца понята значительность выдающегося героя, который, в свою очередь, служит критерием для оценки окружающей его среды. Он понимал, что яркий образ, сильный характер создается не только путем выявления присущих ему черт, но и средствами композиции.

Эта мысль великого теоретика революционной эстетики не утратила своего значения в наши дни. Эта мысль помогает понять, в чем заключается различие между натуралистическим фиксированием фактов и сознательным отбором и сопоставлением фактов в реалистическом искусстве.

Для Чернышевского такое сопоставление выдающегося и обыденного («дома и дворца») имело, несомненно, определенный политический смысл, было одним из важнейших средств для вынесения «приговора жизни», т. е. оценки явлений с позиций революционной демократии.

Значение композиции для всестороннего отражения правды жизни ясно видно в работе А. Фадеева над романом «Молодая гвардия». Новые главы и эпизоды, написанные А. Фадеевым, явились не простым дополнением или расширением романа, — они внесли решительный корректив во всю его композицию. И в первой редакции романа были образы Проценко, Шульги, Валько, был и Лютиков, но образы эти были отодвинуты на второй план. Для того, чтобы исправить имевшиеся в первой редакции недостатки, Фадееву надо было проявить, выдвинуть на первый план те факты, которые в первой редакции были недостаточно освещены, хотя и упоминались. Надо было направить луч яркого света на Лютикова, который прежде оставался в тени, и сразу же решительно изменилось очень многое, изменилось даже то, что текстуально осталось почти без изменений. Ведь и образы молодогвардейцев (в особенности Олега Кошевого), которые в первой редакции выглядели подчас слишком взрослыми, стали в новой редакции моложе и правдивей, хотя автор не столь уж много изменил в них. Образ сам по себе, не включенный в композиционное целое, не поставленный в ряд других образов, не соотнесенный с ними, теряет масштаб, следовательно, теряет убедительность и силу.

За последнее время в некоторых статьях и рецензиях часто встречается рассуждение об «эпизодичности» одних персонажей, о «недостаточном раскрытии внутреннего мира» других, о том, что произведение «перенаселено» и что не все его персонажи в равной мере убедительны. При этом непомерно большое внимание уделяется отдельному характеру, а композиционные особенности остаются вне поля зрения критики; иными словами, мы часто забываем о типических обстоятельствах, о том, что некоторые персонажи могут быть нужны в произведении для изображения общества в целом, тех обстоятельств, в которых развиваются основные характеры.

Можем ли мы сказать, что все персонажи такого великолепного романа, как «Жизнь Клима Самгина», являются всесторонне раскрытыми и типическими характерами? Ведь в одной только первой части романа появляется и упоминается тридцать персонажей! Некоторые из них впоследствии развиваются и раскрываются (Варавка, Лидия, Томилин, Туробоев и другие), а некоторые больше совсем не появляются. Между тем и бегло очерченная тень подслушивающего за углом коридора инспектора гимназии, и отдельные реплики учителей, более не действующих в романе, и жена Варавки, и голос, усомнившийся в том, «был ли мальчик-то, — может мальчика-то и не было?», совершенно необходимы для того, чтобы показать ту среду, в которой выращен, ту почву, на которой вырос Клим Самгин. Степан Кутузов, занимая второстепенное по сравнению с Климом место, является главным положительным героем романа. При этом Кутузов играет значительную, даже решающую роль в характеристике Клима Самгина, служит критерием оценки и мыслей и поступков Клима. Нетрудно заметить, что на всех решающих и значительных этапах жизни Самгина Горький упоминает или вводит в действие Кутузова. Иногда Горький ограничивается разговором о Кутузове или письмом, напоминающим о нем, но даже и в этих случаях присутствие одного имени Кутузова заостряет восприятие отвратительного образа Клима, усиливает приговор, который выносит ему читатель.

Мы еще не забыли рапповских вульгаризаторов, которые упрекали Горького за то, что рабочие и революционеры якобы не занимают в его творчестве должного места. Подобные критики подменили анализ образной системы романа подсчетом страниц, не догадываясь о том, что не только количеством уделенных ему страниц, а прежде всего положением в композиции романа, не только степенью подробности описания, а идейно-художественной функцией персонажа в решении конфликта определяется его действительное место в произведении. Иногда второстепенный, лишь в одной главе многотомного романа появляющийся эпизодический персонаж (например, Платон Каратаев в «Войне и мире») играет первостепенную роль в идейном замысле.

В этой связи нельзя не вспомнить серьезную ошибку, совершенную многими литераторами, не сумевшими разобраться в коренных идейных пороках романа В. Гроссмана «За правое дело». Как могло случиться, что многим, и в том числе автору настоящей статьи, показалось, будто идеалистические рассуждения эпизодического персонажа — академика Чепыжина — имеют частное, не принципиальное значение, что надо лишь убрать эти рассуждения?

Это могло показаться лишь благодаря тому, что многие из нас не задумались над тем, какую функцию выполняет в романе каждый персонаж. А ведь именно академик Чепыжин, ничего в романе не делающий и появляющийся лишь для того, чтобы высказать свои «философские» воззрения, играет в романе решающую роль. Тот факт, что он выступает на страницах романа с единственной целью высказать свои взгляды, особенно подчеркивает значение, которое этим взглядам придает автор. И эти взгляды определяют характеры и поступки многих других персонажей.

Разве не подчеркнут в романе стихийный фаталистический характер героизма батальона Филяшкина и разве не стремился автор романа в каждой детали подчеркнуть «равноправное» сосуществование добра и зла?

Совершенно очевидно, что отсутствие в романе образов положительных героев, нарисованных во весь рост, не является случайностью: с точки зрения чепыжинской «философии» положительный герой вряд ли вообще возможен. Ведь с позиций Чепыжина невозможно формирование положительного характера и бессмысленно обличение характера отрицательного: ведь «меняется не соотношение, а положение частей в моральной, духовной структуре человека»... Не потому ли и политработник Крымов нарисован как наблюдатель и резонер, что с позиций чепыжинской «философии» никакая политработа не может ничего изменить в «моральной структуре человека»?

Таким образом, эпизодическая фигура Чепыжина, выражая авторскую концепцию, оказывает решающее влияние на весь роман.

Следует подчеркнуть, что далеко не каждый эпизодический персонаж может играть такую решающую роль. Для этого он в соответствии с замыслом автора должен нести большую идейную нагрузку. Такую нагрузку, в данном случае — нагрузку носителя чуждых идей, в романе Гроссмана несет академик Чепыжин.

Иногда многочисленные, бегло очерченные персонажи нужны писателю для создания образа целого общества, класса, народа, на фоне которых с особой отчетливостью выступают главные действующие лица, главные выразители типических

ФЕЛЬЕТОН

Упреждая критику...

Трудно представить себе в наше время человека, который, выйдя на широкую многолюдную улицу, возгласил бы: «Упразднить критику!» Но, оказывается, встречаются и такие.

Щедрин когда-то называл «каплунами мысли» таких людей, которые, раз ухватившись за какую-нибудь идейку, усаживались на ней вплотную, переворачивали на все стороны, жевали, разжевывали и пережевывали, делались рьяными защитниками ее внешней и внутренней неприкосновенности и, обеспечивши ее раз и навсегда от всякого дальнейшего развития, тихо и мелодично мурлыкали.

Трудно сказать, в какой момент человек превращается в «каплуна» и у него просыпается неодолимая потребность в охранении своей неприкосновенности и возможности спокойно жевать и пережевывать то ли чужие строчки (если это переводчик), то ли защищать свое алиби и авторитет (если это редактор) и т. п. Но можно смело сказать, что такие процессы в умственной жизни человека происходят всякий раз, как заводится у него упразднительное начало по отношению к критике. А раз заведясь, эта личинка самоудовлетворенности начинает незаметно поедать человека. Был, казалось, литератор или редактор, но завелась эта личинка, и вот перед вами уже одно раздутое самолюбие, и все духовные силы человека начинают тратиться на последнюю букву алфавита и отстаивание неприкосновенности своего «Я».

Из Риги пришла копия письма одного литератора, представляющая собой чистый пример того, как человек выходит на общественную улицу с раздраженным кликом: «Упразднить критику!».

Что же случилось?

Дело в том, что переводчик Владимир Невский недавно обратился в редакцию газеты «Советская Латвия», в бюро секции переводчиков Союза советских писателей Латвии, к председателю русской секции ССП Латвии с письмом такого содержания: «Выражаю свое возмущение клеветнической, основанной на личных отношениях, полной передержек, «фигур умолчания» и прямых желтых приемов статьей М. Крупниковой, опубликованной 16 ноября с. г. («Стихи и миниатюры» Судрабкална). Вл. Невский (Зуккау)». В других заявлениях фигурируют еще более сильные выражения — «жульничество» и т. п. «Клевета», «жульничество», «желтые приемы» — так «сплошным долоем» переводчик Вл. Невский обложил первую и, надо сказать, довольно еще робкую критику, появившуюся по его адресу в газете «Советская Латвия». Нельзя не согласиться с нижеследующей квалификацией шумного похода против критики, объявленного Вл. Невским, квалификацией, которая содержится в письме редакции газеты «Советская Латвия», адресованном правлению ССП Латвии:

«История советской литературной критики не знает примеров, когда бы советский писатель, не согласившись с замечаниями критика (в данном случае эти замечания сводились к тому, что переводы миниатюр Я. Судрабкална выполнены Владимиром Невским слабее, нежели переводы стихов), вступал бы на путь политических выпадов, как это сделал член Союза советских писателей Владимир Невский. Редакция газеты «Советская Латвия» просит обсудить этот беспримерный случай, выходящий за пределы установившихся в нашем обществе моральных норм и представлений о критике и отношении к ней».

Рассматривая поведение Вл. Невского, полезно задаться и таким вопросом: а что, собственно, хочет охранить от критики рьяный антикритик? Иначе сказать, каковы переводы самого Вл. Невского? Так ли они безукоризненны, что их автору оскорбительна мысль даже о легком прикосновении к ним критика?

Тот, кто следит за латышской поэзией, знает, что имя переводчика Невского появилось в Латвии примерно три года тому назад, начиная со сборника «Поэты Советской Латвии». Переводы Невского не выделяются какими-либо особыми художественными достоинствами. Они выполнены на том «среднем уровне» владения стихотворной техникой, за которым не всегда разглядишь индивидуальность переводимого поэта.

Обычная стихотворная «гладкопись» Вл. Невского разнообразится всевозможными огрехами. Огрехи эти синтаксические и грамматические, огрехи ритмические и, наконец, просто погрешности против русского языка. Примеров можно было бы привести предостаточно. Вот примеры последних огрехов: «Не советую ездить этим трамваем»; «ласточка исчезла из моего неба» и т. п. Некоторые стихи в переводе Невского просто невразумительны. Таково, например, стихотворение Ю. Ванага «Единоличный мудрец». Мудрец сидел в кринке и измерял пядью мир. Наконец, он сказал:

— За окном
еще пять пядей:
Мой хлев, на нем
Зарубка сзади...

Понять эту фразу трудно. Или в переводе стихотворения П. Вилипа «Дружба народов» говорится о том, что «общий труд сблизил наши дали». Какие дали сблизил труд и что значит «сблизить дали»? Очевидно, эти «дали» притянуты для рифмы. В стихотворении М. Кемпе «Осушители болот» переводчик Вл. Невский создает такие строчки: «Жилы темные рассечем сплеча, жижа мутная утечет, урча». Попробовал ли переводчик представить себе то, что у него получилось?

В заключение придется предать общественной гласности (но не для подражания) еще один способ, примененный нашим воякой против критики. Это попытка задушить критику, упреждая ее, так сказать, в зародыше, на корню. Как-то узнав, что журнал «Новый мир» готовит статью о сборнике «Поэты Советской Латвии», Вл. Невский загодя прислал в отдел критики такое письмо: «С прискорбием я узнал, что меня собираются «пропечатать» в «Новом мире». Как мне сообщили, в № 5 печатается статья о двух сборниках с одинаковым названием: «Поэты Советской Латвии». В этой статье объектом критического остроумия стала одна строчка из стихотворения «Огни» в моем переводе. Это просто ужасно несправедливо, потому что данная строчка была вставлена в мой перевод». Сейчас уже трудно определить, чья рука и когда вставляла в переводы Невского чужие строчки. Однако Вл. Невский раздраженно заключает свое письмо в редакцию «Нового мира» по поводу статьи, о которой он «что-то слышал», такими словами: «И вот все, что смог сказать обо мне критический «душа-Тряпичкин»,— это позубоскалить насчет одной, и даже не моей строчки! Хороша критика!».

Эта попытка уничтожить критику в зародыше вряд ли приведет Вл. Невского к чему-либо хорошему. Но такая «антикритическая активность» должна поставить перед правлением ССП Латвии и другой вопрос: а не лучше ли остановить все эти действия Невского, упреждающего критику? Не полезнее ли будет напомнить ему, что критика существует и упразднить ее Невскому всетаки не удастся?

К. ЗЕЛИНСКИЙ

По следам неопубликованных писем

Учитель Сосновской средней школы (Бековский район, Пензенской области) А. Корнеев после долгой селекционной работы вывел новый сорт помидоров. Однако, несмотря на большой интерес к этому сорту даже далеко за пределами района, А. Корнееву на месте не создавали условий для работы. Об этом селекционер написал в «Литературную газету».

Письмо тов. Корнеева редакция направила в Бековский райком КПСС. Как сообщил секретарь районного комитета партии тов. Н. Шадчин, факты, отмеченные в письме тов. Корнеева, подтвердились. Бюро райкома указало директору Сосновской школы тов. Ефимовой и секретарю парторганизации тов. Стеклянникову, мешавшим тов. Корнееву заниматься селекционной работой, на их неправильное поведение. Бюро обязало райсельхозотдел шире пропагандировать «корнеевские» помидоры; чтобы распространить семена нового сорта, рекомендовано создать на каждом пришкольном огороде семенные делянки «корнеевских» помидоров.

НОВЫЙ ПЕРЕВОД РОМАНА Ф. РАБЛЕ „ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ"

В апреле советская общественность отмечает 400-летие со дня смерти великого французского сатирика Франсуа Рабле — одного из самых крупных и ярких представителей эпохи Возрождения, автора романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

«Гаргантюа и Пантагрюэль» — одно из произведений мировой классической литературы, издавна и широко известных в нашей стране. Первые переводы романа на русский язык появились еще в XVIII веке. Своеобразие писательской манеры Рабле, насыщенность его лексики народными речениями и каламбурами делали роман этот сложным для перевода. Все вышедшие до сих пор издания на русском языке — неполные. Даже наиболее позднее из них (Гослитиздат, 1938 год) значительно короче оригинала.

Только теперь советские читатели получат полный текст романа (в переводе Н. Любимова, под редакцией Б. Кржевского). В новом переводе, выпускаемом Гослитиздатом в текущем году, будут заполнены пробелы, существовавшие до сих пор в русских изданиях романа. Впервые даны полные переводы, а не изложения многих глав, в их числе, например, стихотворный текст второй главы.

Некоторые из опущенных в прежних переводах мест романа представляют значительный интерес для истинного понимания мировоззрения и правильной оценки философских суждений Рабле. Приведем лишь один пример — восстановленную ныне купюру из двадцать восьмой главы, напечатанной в прежнем издании в пересказе. Один из персонажей романа, выразитель авторской точки зрения, Грангузье заявляет: «...Всю жизнь я только к миру и стремился. Но, видно, придется и мне облечь панцырем плечи... и взять в руки булаву и копье, чтобы защитить и оградить несчастных моих подданных. Так мне подсказывает здравый смысл... и все же я не пойду на Пикрофоля войной до тех пор, пока не испробую всех мирных способов и средств».

Задача нового перевода — не только воспроизвести полный текст, но и передать демократическое звучание романа Рабле, подлинно народную сущность его творчества, направленного против темных сил феодальной реакции.

Отрывки из нового перевода будут прочитаны сегодня на вечере в Большом зале Московской консерватории, устраиваемом Союзом советских писателей СССР, Советским комитетом защиты мира и Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР в ознаменование 400-летия со дня смерти Франсуа Рабле.

Открытие дома-музея Ованеса Туманяна

ЕРЕВАН. На одной из центральных улиц города — Московской — состоялось открытие дома-музея выдающегося армянского поэта Ованеса Туманяна.

В пяти залах собраны личные вещи поэта, многочисленные экспонаты, рассказывающие о его жизни, литературной и общественной деятельности. В комнате, воссоздающей рабочий кабинет поэта, на письменном столе лежат тома Пушкина и Шевченко. Стены увешаны картинами русских и армянских художников.

Широко представлена литература, посвященная связи Туманяна с передовой русской культурой. Экспонируются произведения армянского поэта, изданные на языках народов СССР.

РОМАН О РУССКОМ НАРОДЕ

Вл. ОРЛОВ

Новая книга Юрия Германа — большое многоплановое историческое повествование, воссоздающее широкую картину русской жизни в начале петровской эпохи, когда, по словам Пушкина, «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек». Писателю удалось хорошо передать самую атмосферу петровского времени, ознаменованного высоким подъемом созидательной, творческой энергии русского народа и замечательными победами русского оружия.

Сюжетной основой романа послужила достоверная история патриотического подвига северноморского лоцмана Ивана Рябова.

Вскоре после того, как началась Северная война, разнесся слух о том, что шведы готовят нападение на Архангельск. Известие это подняло на ноги все поморье: была налажена оборона Архангельска, собраны крестьянские дружины, начато строительство Новодвинской крепости. Слух подтвердился: в июне 1701 года к устью Северной Двины подошла эскадра шведских военных кораблей, замаскированных под мирных «купцов». Солдаты на кораблях были спрятаны, пушки укрыты, на мачтах подняты чужие — английские и голландские — флаги.

Шведы схватили Ивана Рябова, приставили к нему переводчиком другого плененного ими помора — Дмитрия Борисова (в романе — Митрий Горожанин) и заставили их вести эскадру по незнакомому фарватеру к Архангельску. Рябов совершил смелый и славный подвиг: он посадил головной фрегат на мель прямо под огонь пушек Новодвинской крепости. Шведы пытались уничтожить отважных русских патриотов. Борисов был убит в схватке, а тяжело раненный Рябов чудом спасся. Вслед за головным фрегатом на мель села шведская яхта. Русские солдаты в абордажном бою захватили оба вражеских корабля. Другой шведский фрегат, получив серьезные повреждения, повернул вспять. Слава о подвиге Рябова разнеслась по всему Беломорью.

Роман Юрия Германа написан обстоятельно, со знанием дела. Отчетливо видна в нем серьезная и добросовестная работа автора, хорошо изучившего и правильно осмыслившего обширный исторический материал. Писатель сосредоточил свое внимание на основных процессах и решающих социальных противоречиях изображенного им бурного переломного времени.

Ленин и Сталин указывали на прогрессивный характер реформ Петра I, которые были вызваны насущными запросами русской жизни и отвечали интересам русского национального развития. Но товарищ Сталин подчеркивал, что государство, которое строил Петр, было государством классовым, государством дворян и купцов: «...Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры».

Историческая картина, нарисованная Ю. Германом, основана на этой сталинской характеристике. В романе показана нещадная эксплуатация закрепощенного, бесправного народа, показаны тяжесть подневольного труда, варварские условия голодного существования «трударей». Таковы, к примеру, хорошо написанные главки «Люди согнаны», «Воры», «Нож метнули...», рассказывающие, как согнали силой рыбаков, землепашцев, кузнецов, лодейных мастеров на строительство верфей в Соломбале и на Вавчуге, как голодные, раздетые, избиваемые начальниками люди закладывают основание будущего русского флота. Колоритна выведенная в романе фигура богача Осипа Баженина (лицо историческое), которому Петр дал привилегию на строительство кораблей, но которому «прибытки» его были «дороже дела государства».

«Россия молодая» в изображении Германа — это не столько Петр и его сподвижники (хотя они и занимают в романе подобающее им место), но прежде всего и больше всего—простые русские люди, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы за величие и славу родины. Народ и есть главный герой романа. В этом — его первое бесспорное и большое достоинство. Всей совокупностью образов роман Ю. Германа говорит о том, что творческая энергия и патриотическое рвение русского народа, готовность его к любому высокому подвигу во имя благоденствия и чести родины проявлялись с могучей силой даже в обстановке самодержавно-крепостнического гнета. Поэтому столь уместен предпосланный роману эпиграф из Радищева: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский... О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!».

Эта радищевская мысль освещает многие страницы романа, особенно те его главы и эпизоды, в которых речь идет о пробуждении народных сил.

Роман Ю. Германа проникнут чувством патриотической гордости за национальную самобытность русской мысли и русской культуры. Герману удалось раскрыть национальное значение петровских реформ и тем самым правильно (а если говорить о художественной литературе, то в значительной мере по-новому) решить вопрос об истинной роли и значении иноземных «влияний» в петровскую эпоху. В романе хорошо, наглядно показано, что «молодая Россия» строилась руками, умом и талантом простого русского человека — трударя, мастерового, солдата. Этому простому человеку пришлось не только выносить гнет крепостничества и самодержавия, но и преодолевать коварство и козни всяческих иноземных лазутчиков, подвизавшихся под маской мирных «культуртрегеров». В петровское время множество иностранцев нахлынуло в Россию. Среди них было немало авантюристов и проходимцев, которые втирались в доверие Петра, использовали его увлечение иностранным опытом в своих корыстных целях, во вред России и русскому народу. Они всячески стремились принизить роль русского народа в развитии науки, техники и культуры; иные из них, наконец, просто-напросто шпионили в пользу иностранных государств. В ясном освещении этой стороны исторической картины и той борьбы, которую вели русские патриоты против попыток установить иноземное засилье, — крупное достоинство романа Ю. Германа.

Действие романа происходит, главным образом, на севере, в обстановке крайне своеобразного бытового и культурного уклада. «Двинская земля» с древних времен была заселена отважными, предприимчивыми, гордыми и свободолюбивыми людьми — удальцами и умельцами: мореходами и кораблестроителями, рыбаками и зверобоями, искусными ремесленниками. Особые социальные условия, сложившиеся на этой далекой окраине Русского государства, способствовали развитию самобытной народной культуры и формированию вольного и независимого характера поморов.

Резкие, оригинальные черты этого характера запечатлены в образах многих людей, действующих в романе, и прежде всего в образе кормщика Ивана Рябова — смелого, гордого, непокорного, уверенного в себе человека. Суровая природа «Двинской земли», море, строительство флота и возведение крепости, упорный труд и воодушевление строителей — все это описано в романе с незаурядной изобразительной силой.

Хорош, за некоторыми исключениями, язык романа, расцвеченный народными поговорками, пословицами, песнями (хотя надо сказать, что автор несколько увлекся и чуть ли не каждую страницу книги снабдил цитатой из песни). Следует особо отметить удачные диалоги действующих лиц (в частности, тех, кто принадлежит к «простонародному» кругу) — в них звучат интонации живой и непринужденной разговорной речи.

Юрий Герман развернул в своем романе весьма обширную галерею разнообразных человеческих характеров. Читатель видит кипучую деятельность Петра и «птенцов гнезда Петрова» (Меншикова, Федора Апраксина, Иевлева и др.); с сочувствием следит за жизнью поморов-мореходов, корабельных мастеров, солдат и офицеров обновленной петровской армии; с возмущением узнает о коварных делах иноземцев — негоциантов и инженеров, шпионов и резидентов, живевших на русских хлебах и люто ненавидевших русский народ; и, наконец, знакомится со шведскими моряками во главе с адмиралом Юленшерна, шведскими министрами и Карлом XII.

Не все эти образы в равной мере удались Ю. Герману. Одни по-настоящему типичны и сохраняют своеобразие живой и неповторимой человеческой индивидуальности, другим недостает глубины, психологической убедительности.

К числу наиболее удачных и выразительных принадлежит образ верного и исполнительного соратника Петра, капитан-командора Сильвестра Иевлева, которому выпало на долю командовать обороной Архангельска во время набега шведов. Иевлев обаятелен, умен, храбр, деловит, честен, совестлив. Он беспредельно предан долгу. Его жизненное правило: «Русского человека имя держать честно и грозно!» Это — яркий, жизненный характер, показанный в движении, в становлении.

Запоминается Афанасий Крыков—человек, полный душевного благородства. Он вышел из самых глубин народных, стал офицером, но не оторвался от народа, а, напротив, стремится помочь ему в борьбе против гнета и произвола. Сильно написана сцена геройской гибели Крыкова в неравном бою со шведами.

Много живых, верно подмеченных черт в образах Митрия Горожанина, молодого офицера Егорши Пустовойтова, боцмана Семисадова.

Особую группу составляют представители трудовой крестьянской массы. Среди них выделяется беглый холоп Молчан, бунтарь, который мечтает: «Пожгем злодеев наших, головы на рожны, выберем себе доброго человека, по правде станем жить». В Молчане, в Федосее Кузнеце, в голодном мужичонке, с отчаянья кинувшемся на офицера, воплощена извечная, неугасимая мужичья ненависть к боярству.

В характере самого Петра, «в работе пребывающего», Герману удалось оттенить неутомимую энергию, страстность, молодое вдохновение. Мастерски написана сцена, когда Петр, полный гнева, волнения, радости и гордости, ожидает первого салютования русскому военно-морскому флагу с иноземных кораблей и, наконец, слышит этот первый салют.

Бледнее, традиционнее обрисованы в романе Меншиков, царевич Алексей, а также и все многочисленные женские персонажи.

Недостает глубины и характерности отрицательным типам, которых в романе много. Они написаны в большинстве случаев грубовато и схематично, одной краской. Это относится и к ничтожному воеводе Прозоровскому — пьянице и кнутобойцу, и к его подручному — трусу и прохвосту Мехоношину, и ко многим иноземцам. Выразительнее других портрет старого морского волка — шведского адмирала Юленшерны.

Есть, на наш взгляд, серьезный недостаток и в обрисовке Ивана Рябова, центрального героя романа. Характер Рябова, привлекательный, сильный и цельный, все же дан статично. Он ясен с самого начала и в дальнейшем уже не развивается, не обогащается никакими сколько-нибудь существенными новыми чертами.

Следует упрекнуть Ю. Германа и за недостаточную продуманность композиции романа. Роман вообще излишне растянут за счет сцен и эпизодов, имеющих лишь косвенное отношение к основной линии сюжетного развития. Подобные излишества тем более досадны, что именно в этих сценах и эпизодах Герману подчас изменяют и вкус и мастерство. Такова, например, совершенно необязательная, многословно рассказанная и изрядно сусальная история любовной связи демонического шпиона Дес-Фонтейнеса и олеографической красавицы Маргрет.

Композиционные недочеты особенно ощутимы в заключительной части романа. Неторопливое, обстоятельное повествование достигает логического завершения в VII и VIII главах, где изображены нападение шведов, гибель Крыкова, подвиг Рябова и победа русских над шведами. В рассказе об ожидании схватки, в самом изображении боя есть настоящее драматическое напряжение. Но после этого идут еще три главы, в которых разворачивается множество новых событий. Иевлев и Рябов становятся жертвами злобы и вероломства воеводы Прозоровского, они облыжно обвинены в измене родине, в тайных сношениях с врагом, в содействии бунтарям-колодникам. Их заточают в темницу. И лишь после многих мытарств дело, наконец, разъясняется. Петр освобождает Иевлева и Рябова. Рябов получает звание «первого лоцмана российского корабельного военного флота».

Все эти события имеют существенное историческое значение. Они нужны для изображения реакционных сил, действовавших заодно с иностранными дельцами и шпионами и пытавшихся подавить творческие силы русского народа. К сожалению, эти события описаны без достаточной обстоятельности, которая присуща общему стилю повествования в большинстве глав романа. Особенно чувствуется этот недостаток в заключительной, одиннадцатой главе. Здесь речь идет о важнейших событиях Северной войны, гораздо более важных, нежели оборона Архангельска, — о взятии Нотебурга и Ниеншанца, о выходе России к Балтийскому морю. Но рассказано обо всем этом так бегло, что повествование кое-где сбивается на конспект.

Зато вполне уместен эпилог, в котором прослеживаются дальнейшие судьбы героев романа. Идет 1720 год. Уже растет, украшается Петербург, уже бороздит воды Балтики русский флот, уже выросло второе поколение русских военных моряков. Рядом со стариком Рябовым мы видим его сына, дельного, образованного офицера-навигатора. Морская слава России уже разнеслась по свету, и, завидев русский флот, быстро уходит во-свояси британская эскадра, вознамерившаяся было уничтожить русские корабли, плывшие из Архангельска в Петербург.

Основная идея романа, идея роста и мужания Русского государства, ярко выражена в эпилоге. Постаревшие Иевлев и Рябов молча любуются величием и мощью идущего под всеми парусами, расцвеченного флагами юного Балтийского флота: «Корабли и фрегаты, галиоты и яхты кренились под свежим тугим ветром, пенные валы вздымались над морем, ослепительный свет солнечного дня весело играл в самых мельчайших водяных брызгах, на вымпелах и флагах, на меди боевых орудий, на парусах, казавшихся вылитыми из чистого серебра». Этой солнечной, сверкающей картиной заканчивается роман.

Достоинства романа «Россия молодая» намного превышают его недостатки. Однако следует пожелать, чтобы автор не пожалел новых творческих усилий в дальнейшей работе над этой патриотической и увлекательной книгой, которой, надо думать, суждена долгая литературная жизнь.

Юрий Герман. «Россия молодая». Роман. «Молодая гвардия». 1952 г. 910 стр.

процессов и явлений, служащих основой повествования.

Так, в романе Эренбурга «Девятый вал» характеристика двух миров — мира империалистического и мира демократического — дается через коллективные, собирательные образы, состоящие из множества персонажей. Роман не лишен недостатков. Быстрая смена иногда слишком коротких эпизодов, в которых многочисленные персонажи на мгновение появляются, чтобы вновь и надолго исчезнуть, утомляет читателя и затрудняет восприятие. Но торопливость, а иногда и небрежность рисунка не исключают правильность самого принципа типизации, при котором автор стремится создать и в общем создает убедительную картину современного мира, разделенного на два лагеря — лагерь войны и лагерь мира. В представителях класса капиталистов писатель подчеркивает именно то, что сближает их между собой, подчеркивает черты капитализма: крайний эгоизм, моральное разложение, готовность на любое преступление ради сохранения своих привилегий и прибылей. Разумеется, встречаются в капиталистическом мире и более добродетельные дочери сенаторов, чем Мэри Лоу, и более умные капиталисты, чем сенатор Лоу, но не они характерны для капиталистического общества в целом, и прав писатель, сосредоточивая внимание на наиболее существенных чертах этого общества.

С наибольшей полнотой, наиболее глубоко и индивидуализированно писатель рисует несколько главных героев. Это — профессор Дюма, художница Мадо, журналист Саблон, профессор Адамс. Преимущественное внимание писателя к этим образам вполне закономерно. Именно в них писатель выражает одну из наиболее типичных особенностей нашей эпохи: нельзя двигать науку, уклоняясь от участия в борьбе за мир; нельзя быть патриотом, не борясь против поджигателей войны; нельзя быть художником, не определив свое место в лагере мира. Процесс присоединения всех честных деятелей культуры к движению сторонников мира раскрывается Эренбургом с особенной силой именно в этих образах, поставленных в центре романа. Однако они выступают с особенной убедительностью на фоне широко изображенных типических обстоятельств.

Следует подчеркнуть, что создание многопланового политического романа, в котором действуют десятки персонажей, разумеется, отнюдь не единственный путь решения той проблемы, которая положена в основу романа Эренбурга. Мы знаем удачные произведения, посвященные этой теме, в которых типические явления современности раскрываются в плане одной сюжетной линии («Голос Америки» Б. Лавренева), одного острого социального конфликта («Заговор обреченных» Н. Вирты).

Эти примеры с наглядностью показывают, что формы проявления типического чрезвычайно многообразны и не могут быть сведены только к изображению нескольких центральных характеров. Предъявляя к писателю требование глубокого раскрытия типических явлений и характеров, надо постоянно помнить, что нет и не может быть единого эталона построения образа, что самый замысел произведения обусловливаст композицию, которая является одним из важнейших средств типизации.

В конкретном анализе произведений литературы надо всегда помнить указание тов. Г. М. Маленкова о том, что «типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы». Это определение указывает на диалектический характер понятия типического. Типическим может быть и то новое, что пока еще единично; типическими могут быть и явления распространенные, массовые. При этом единичные явления переходят в массовые, знаменуя рост и развитие новых черт действительности, и, наоборот, явления, прежде бывшие массовыми, становятся единичными и исчезают, уступая свое место новому. Такое понимание типического, существенного мы находим в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина, посвященных конкретным явлениям действительности. Первый коммунистический субботник на Московско-Казанской железной дороге, по поводу которого написана В. И. Лениным статья «Великий почин», был в 1919 году явлением единичным, но глубоко типическим для нового отношения к труду, возможного только в условиях победы пролетарской революции; именно потому, что оно было типичным для растущего социалистического общества, оно могло стать и действительно стало массовым.

Первые стахановские рекорды, о которых И. В. Сталин говорил, как о начале стирания граней между умственным и физическим трудом, были в 1935 году явлением еще не массовым; но именно потому, что они были типичны для эпохи победы социализма, они могли превратиться и действительно превратились в массовое стахановское движение. Напротив, бывшие в прошлом массовыми, мелкособственнические настроения крестьянства уступили место высокой социалистической сознательности колхозников; проявления собственнических инстинктов, еще до сих пор встречающиеся в действительности, остаются типическим выражением пережитков прошлого, хотя они все более и более утрачивают тот массовый характер, который они имели раньше. Типичность явления определяется не количественными, а качественными показателями: типично то, что раскрывает определяющие, существенные черты явления.

На диалектическом понимании развития действительности как непрерывной борьбы нового со старым, как непрерывного возникновения и роста одних явлений и уничтожения других основано и решение задачи, которую товарищ Сталин поставил перед советскими писателями, назвав их инженерами человеческих душ.

«Сила и значение реалистического искусства, — сказано в докладе тов. Г. М. Маленкова на XIX съезде партии, — состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей». Типическими и притом массовыми чертами людей нашего общества являются верность великим идеям Ленина—Сталина, преданность партии, пламенный советский патриотизм и пролетарский интернационализм, трудовой героизм, быстрый культурный рост масс... Эти черты выражают сущность нашего народа и нашего строя, и проявляются они в острых конфликтах и противоречиях, в непримиримой борьбе с пережитками прошлого и с гнусными происками и вылазками врагов.

Именно поэтому перед советской литературой стоит не только задача изображения положительных явлений советской действительности, но и задача бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе.

Это значит — правдиво показывать положительные явления нашей жизни, как конкретное и типическое выражение основного закона социализма; это значит — раскрывать сущность отрицательных явлений, как типических пережитков звериного закона капитализма, как попытку капиталистического мира проникнуть в светлый мир социализма. Это значит — отражать сущность действительности глубоко и правдиво, во всем ее многообразии.

Новые книги

Горбатов Б. Мое поколение. Роман. «Молодая гвардия». 384 стр. Цена 7 руб. 15 коп.

Клдиашвили Д. Сочинения в двух томах. Том 2 Перевод с грузинского Н. Чхеидзе. Тбилиси, Государственное издательство Грузинской ССР. 304 стр. Цена 6 руб. 15 коп.

Криванчиков Н. Орлиный край. Стихи. Симферополь. Крымское областное издательство. 80 стр. Цена 1 руб. 20 коп.

Некрасов Н. Полное собрание сочинений и писем. Том 12. Материалы для биографии. Дополнения к предыдущим томам. Гослитиздат. 528 стр. Цена 16 руб.

Немцова Б. «Дикая Бара» и другие рассказы. Перевод с чешского. Гослитиздат. 144 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Омулевский И. Шаг за шагом. Роман. Хабаровск. Дальневосточное государственное издательство. 428 стр. Цена 7 руб. 65 коп.

Рыленков Н. Стихотворения. «Советский писатель». 216 стр. Цена 3 руб. 15 коп.

Саянов В. Стихотворения, поэмы, повести в стихах. Гослитиздат. 340 стр. Цена 8 руб. 20 коп.

У ЛИТЕРАТОРОВ ПЕНЗЫ

ПЕНЗА. (**Наш корр.**). Недавно состоялся ежегодный семинар молодых авторов, на котором обсуждались общие вопросы литературы, а также творчество отдельных писателей. Участники семинара прослушали доклад на тему «Решения XIX съезда партии — программа строительства коммунизма», лекции о труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и о международном положении. Заслушано также сообщение о работе всесоюзного совещания редакторов альманахов, на котором творчеству пензенских литераторов было уделено немалое внимание.

Широкому обсуждению подверглись доклад З. Гусевой о работе редколлегии альманаха «Земля родная» и девятая книга альманаха. За прошлый год редколлегия выпустила два номера альманаха, в которых напечатаны произведения 33 авторов. Заметен идейно-политический и профессиональный рост многих молодых писателей; в прошлом году областное издательство выпустило три книжки очерков и три сборника рассказов. С первой книжкой стихов выступила колхозница села Русский Ишим М. Смирнова. Вышел большой сборник старых и современных сказок А. Анисимовой.

Еще совсем недавно областное книжное издательство в своей работе преимущественно ориентировалось на литераторов из других областей. Теперь здесь выросли свои литературные кадры. В этом году издательство наметило выпустить произведения шестнадцати местных поэтов и прозаиков.

Были высказаны и критические замечания. В произведениях литераторов все еще слабо освещается жизнь трудящихся области. Некоторые произведения, опубликованные в последнем номере альманаха, — сырые, недоработанные.

Друзья мира в Финляндии популяризируют среди населения решения Конгресса народов в защиту мира. НА ФОТО — **собрание рабочих строительства электростанции в Салмисаари (гор. Хельсинки), посвященное обсуждению работы и решений Венского Конгресса.**

Снимок из финской газеты «Тюэкансан саномат»

◇ ◇

ПО СТРАНИЦАМ ФИНСКОЙ ПЕЧАТИ

ГОЛОС ДРУЖБЫ

Вчера, 6 апреля, исполнилась 5-я годовщина подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией. Развитию и укреплению дружественных добрососедских отношений между обеими странами в немалой степени способствовало посещение Советского Союза делегациями финской общественности — студентами, рабочими, членами общества «Финляндия — СССР». О своих впечатлениях участники делегаций рассказали на страницах финской печати.

В ноябре — декабре 1952 года в Советском Союзе побывала делегация, представлявшая общество «Финляндия — СССР». Члены этой делегации совершили длительную поездку по Советской Украине, побывали в Киеве, Днепропетровске, Одессе. Гостеприимство советских людей произвело на финских делегатов незабываемое впечатление. Рассказывая о поездке в Советский Союз, глава делегации, кандидат общественных наук Осмо Хелин писал в январском номере журнала «СНС»:

«Самым большим впечатлением от поездки является то, что Советский Союз не хочет войны и желает установления взаимовыгодных дружеских торговых и культурных связей со всеми странами».

С выражением подлинно дружественного отношения советских людей к Финляндии финские гости встречались в Советском Союзе буквально на каждом шагу. Члены финской студенческой делегации по возвращении из СССР заявили: «Нашим самым большим впечатлением о советском человеке и студенте является то искреннее чувство дружбы, с которым нас повсюду встречали».

Член делегации финской молодежи, редактор молодежной газеты «Теря» Сакари Селин заявляет: «Задачей молодежи нашей страны является научиться видеть в советской молодежи нашего друга, который строит свою работу и деятельность на принципах мира и дружбы».

Член рабочей делегации, механик машиностроительного завода из Раутпохья, Эрнс Бауэр, сказал: «Жизнь советских людей сильно изменилась. Я знаю жизнь рабочих до революции и сейчас вновь увидел, как живут рабочие. Если бы я не увидел Советский Союз сейчас, мне было бы довольно трудно понять все то, что произошло в течение 35 лет. Мы видели силу и мощь советского народа, а также его веру в будущее...».

Делегация рабочих Финляндии посетила также столицу Советской Белоруссии — Минск. Гости осмотрели здесь тонкосуконную фабрику, побывали на автозаводе и в политехническом институте; ознакомились с достопримечательностями города. Рассказывая о посещении рабочей делегацией Минска, финская газета «Тюэкансан саномат» писала: «...Рабочий-строитель Микко Йоуха заявил, что он впервые увидел такие огромные по масштабам строительные работы. Работница из Патениеми Хелга Ханнала сказала после всего увиденного ею, что она теперь понимает, чего может достичь советский человек. Руководитель делегации Арво Валлин и работница-текстильщица из Тампере Анья Илонен отметили безупречность охраны труда, организацию и чистоту на минской тонкосуконной фабрике».

Пять дней финская рабочая делегация провела в Узбекистане. Большое впечатление произвела на делегатов зажиточная, счастливая жизнь узбекских колхозников. Глава делегации Арво Валлин и члены делегации Бауэр, Хеллин, Хаккала и Илонен, прощаясь с колхозниками, заявили: «Мы первый раз в жизни находимся в колхозе и своими глазами видим зажиточную жизнь колхозников. В ответ на оказанное нам гостеприимство мы с еще большей энергией будем работать на благо укрепления мира и дружбы между нашими народами».

Чувства всех делегатов, своими глазами увидевших созидательный мирный труд советских людей и на деле убедившихся в миролюбивой политике Советского Союза, хорошо выразил глава делегации общества «Финляндия—СССР» Осмо Хелин, который в уже упоминавшейся нами статье в журнале «СНС» писал: «...В СССР приезжаешь, как в страну мира. Вместо войны там говорят о мирных стройках. Где только поезд не останавливался во время нашего продолжительного путешествия, везде станционные постройки были украшены лозунгами, зовущими к миру. О желании мира и дружбы между народами мы слышали не только в официальных выступлениях, но также во всех частных беседах как с молодыми, так и со старыми людьми».

Угроза миру и безопасности народов исходит из лагеря империалистов, которые хотели бы поссорить Финляндию с ее великим соседом — Советским Союзом. «У нас, финнов,—заключает свою статью Хелин,—нет никакой причины содействовать этим безнадежным предприятиям хотя бы мизинцем или поддерживать их, проявляя пассивность. Напротив, для нас жизненно важно сохранение доверия и укрепление дружеских отношений с нашим соседом. Интересы Финляндии требуют от нас видеть эти факты и работать, согласно им, на благо мира в нашей стране и во всем мире».

Так пишут посланцы финского народа, которые своими глазами увидели мирную созидательную работу советских людей, желающих жить в мире и дружбе со всеми народами — большими и малыми.

К. СМИРНОВ

СТИХИ ДЖАННИ РОДАРИ

В переводах С. МАРШАКА

В «Литературной газете» в № 141 за 1952 год была опубликована подборка стихов итальянского прогрессивного поэта Джанни Родари в переводах С. Маршака. В связи с этим итальянская газета «Унита» поместила на своих страницах статью «Чиполлино * в стране Советов», в которой говорится: «Эти стихи, великолепно переведенные талантливым советским поэтом, свидетельствуют о том, что в нашей стране, помимо той печатной отравы, которую распространяет среди итальянских детей американизированная и ватиканизированная литература, существует и такая поэзия, которая воспитывает в детях уважение к труду и презрение к тунеядцам, к падким на легкую наживу, к папиным сынкам, существующим на деньги, накопленные родителями путем эксплуатации трудящихся или же нажитые нечестным путем».

Мы публикуем сегодня новые стихи Джанни Родари в переводах С. Маршака.

* Чиполлино — герой повести Д. Родари «Приключения Чиполлино».

Слово „плакать“

Когда-нибудь люди счастливыми
будут,
Забудут про слезы на свете.
И, может быть, дети
Найдут это слово забытое
«плакать»
На книжных страницах,
В старинных журналах,
Давно обветшалых,
И спросят наставницу хором:
— Синьора!
Что это значит
«Плачет»?

Поправит наставница пряди
Волос белоснежно-седых
И детям
Ответит,
С улыбкою глядя
Сквозь стекла очков золотых
А дети ответа ее не поймут
И дома,
Могу вам ручаться,
Глаза свои репчатым луком натрут.
Но будут сквозь слезы
Смеяться.

И вот беззаботных, веселых детей,
Задавших мудреный вопрос,
Ведут на экскурсию в мрачный
музей,
В старинный музей
Слез.

Музей грустноват, но не слишком.
Зачем же грустить ребятишкам?
К тому же, по счастью,
вчерашняя боль
Гораздо слабей настоящей.
Вчерашние слезы утратили соль
И нынче нам кажутся слаще.

— Ну что же, давайте музей
оглядим,—
Наставница скажет ребятам своим.

— Вот слезы,
которые мать пролила
Над сыном, продрогшим в морозы.
Вот слезы старухи, лишенной угла.
А тут — безработного слезы.
Вот слезы мальчишки, что насмерть
избит.
За то лишь, что он чернокожий, —
Хоть, кажется, слезы на вкус
и на вид
У белых и черных похожи...

Тут дети прервут этот грустный
рассказ:
— Синьора! Ведь это же больно!
Он плакал?
— Нет, всхлипнул один
только раз
И тут же поклялся: — Довольно!

Так дети счастливые
Будущих дней
Узнают про слезы
Вчерашних детей,
О детях в холодных
Подвалах и хижинах,
О людях голодных,
Бесправных, обиженных.

И скажет наставница:
— Слезы текли.
И море соленое смыло с земли
Ударами грозного вала
Преграду, что счастью мешала.

◇

Новая тетрадка

Я открываю первый лист тетрадки.
Какой он чистый и какой он гладкий!
Вот он на черной парте предо мною
Лежит, сверкая снежной белизною.

С какой тревогой вывожу я строчки
Своим пером блестящим на листочке,
За новой партой — в новый школьный
год.
Боюсь, что скоро клякса упадет.
Но я ее резинкой осторожно
Сотру с листа. И дальше ехать можно.

Игрушки

Владелец магазина игрушек: — Нет, синьора, лошадок мы больше не продаем...

Рисунок из итальянской газеты «Унита»

◇

Неаполитанский мальчик

(Ласточка без солнца)

Здравствуй,
Ласточка мостовой —
Мальчик
С черной, как смоль, головой!

Вижу тебя не в лесу
И не на поле, —
В тесных, кривых
Переулках Неаполя.

Ты, увидав меня, сразу отпрянул,
Глазом пронзительным ласточки
глянул.
Но почему же в зрачках твоих глаз
Свет ослепительный солнца погас?

Солнце еще не ушло за дома,
А для тебя уже света не стало.
Это жестокой болезни начало.*
Это — не вечер, а вечная тьма.

Что ж ты глядишь на меня, убегая,
Быстрая ласточка городская?
Нужен тебе не какой-нибудь грош.
Солнца ты просишь, солнца ты
ждешь!

* Многие дети бедняков Неаполя, живущих в чрезвычайно тяжелых жилищных условиях, болеют трахомой. (Прим. ред.).

Сколько всего детей на свете?

Сколько всего детей на свете?
Если бы дети
На целой планете
Все засмеяться сразу могли,
Только раздастся команда «Пошли!»

Вот бы земля задрожала от смеха!
Смеху бы вторило гулкое эхо,
Будто бы рухнула разом гора
Звонкого золота и серебра,
Будто обрушился бурный каскад,
Золотопад,
Серебропад.

Долго бы смеха катилась лавина
От Копенгагена
До Турина,
От Ленинграда
До Берлина,
От Сан-Франциско
До Кале,
По всем морям,
По всей земле,
По селам, городам, столицам,
По синим атласа страницам...

И как бы пышно расцвели
Пустыни, степи всей земли.
Там, где теперь сверкают льдины,
Росли бы фиги, апельсины.
И, как барашки по траве,
Скакали тучки в синеве.
И деды на день больше жили,
И все бы люди предложили:

— Давайте школьникам своим.
Моря и горы отдадим.
Гора нужна им для игры, —
Сбегать им весело с горы.
Поляны будут их площадки.
В лесах играть удобно в прятки,
А это небо без границ —
Чтобы пускать картонных птиц,
Чтоб кувыркаться в нем орлятам
Неутомимым и крылатым.

И пусть планета наша вскачь
Несется по небу, как мяч.
Авось земля от этой встряски
Помолодеет, словно в сказке!

Ну что ж, ребята, в добрый час!
Дорога дальняя у нас.
Держаться за руки мы будем
И счастье на земле добудем.
Пускай для радости — не зря —
Бегут листки календаря!

◇ ◇

Город Матера, Италия. На этом фотоснимке изображено жилище трудовой итальянской семьи: в таких пещерах взрослые и дети ютятся вместе с домашними животными; и вот после рабочего дня мул возвращается «домой»... Тысячи семей итальянских трудящихся, не имеющих средств для того, чтобы платить за квартиру, вынуждены обитать в пещерах. Их дети, лишенные солнца и света, влачат жалкое существование.

Снимок из итальянского журнала «Иллюстрационе итальяна»

По страницам печати

«Свет в образех» — Чехословакия, **«Сабад нэп»** — Венгрия

БРИГАДА ЛАДИСЛАВА КАЧИРКА

На Спишских железных рудниках в Маркушовицах (Чехословакия) успешно применяются передовые методы добычи руды, разработанные в советской горнорудной промышленности. В результате этого спишские горняки в четыре раза повысили добычу. Журнал «Свет в образех» публикует фотоснимок, на котором запечатлена бригада Ладислава Качирка, обсуждающая методы дальнейшей работы. Бригада решила дать к 1 мая сверх плана 1 000 тонн руды.

У ОБУДАЙСКИХ СУДОСТРОИТЕЛЕЙ

Более ста лет насчитывает Обудайская судостроительная верфь в Будапеште. Кадровые рабочие рассказывают, со слов своих дедов, что первое судно, все из дерева, было построено здесь еще в 1830 году. Паровой двигатель и котел для него привезли тогда из Англии. После первой мировой войны верфь пришла в упадок, суда здесь больше не строили, а только ремонтировали их. Со стапелей верфи, как сообщает газета **«Сабад нэп»**, не было спущено ни одно судно. Большинство судостроителей работало только зимой, на ремонте, летом их отпускали на все четыре стороны. В конце 1944 года, отступая под ударами Советской Армии, гитлеровцы полностью разрушили верфь, а все, что было возможно, вывезли.

«Ныне,— пишет газета «Сабад нэп»,— каждый человек, который проходит по мосту имени Сталина, видит, как кипит работа на возрожденной верфи. Своим восстановлением она обязана Советскому Союзу. Самые лучшие, самые совершенные механизмы, оборудование присланы из СССР. Огромное значение в успехах обудайских судостроителей имеет освоение новых советских методов труда. Так, советские инженеры научили их не клепать обшивку судна, а сваривать ее. Это намного ускорило постройку судов, которые спускаются теперь на воду на три недели раньше, чем при прежних методах работы. Благодаря помощи Советского Союза производительность труда увеличилась в пять раз по сравнению с 1947 годом».

«Сабад нэп» приводит имена лучших рабочих верфи — Дьюла Таряни, Дьеза Берцеши, Иштвана Яновки и других. Они перевыполняют нормы в два-три раза.

«Мы часто думаем о тех советских людях,— указывает «Сабад нэп»,— которые показали нам, как нужно претворять в жизнь сталинские слова о том, что самым ценным капиталом является человек. Много миллионов форинтов израсходовано на улучшение быта работников верфи. На улице Кнурр-Пальнэ для них построены два шестиэтажных жилых дома. В новой столовой ежедневно обедают тысячи рабочих, ясли Обудайской верфи самые лучшие в столице».

Е. АМБАРЦУМОВ

Судьба легионеров

В один из апрельских дней 1952 года из вагонов поезда, подошедшего к перрону Восточного вокзала в Берлине, вышли необычные пассажиры. Внимание окружающих невольно привлекали их покрытые тропическим загаром лица. Прибывшие, обмениваясь замечаниями на чистейшем немецком языке, с любопытством рассматривали заново отстроенное здание вокзала. Так вернулись в новую, демократическую Германию из далекого Вьетнама Карл Ханнеман и его товарищи — бывшие солдаты иностранного легиона французской республики. Они рассказали молодому немецкому писателю Гюнтеру Халле о своей судьбе, как и о судьбе многих тысяч немцев, которые все еще продолжают участвовать в «грязной войне», ведущейся колонизаторами против свободолюбивого вьетнамского народа ради максимальных прибылей американских, французских и западногерманских капиталистов. Этот рассказ и лег в основу выпущенной в конце прошлого года берлинским демократическим издательством «Фольк унд вельт» книги Г. Халле «Иностранный легион». *

Карл Ханнеман, мобилизованный в гитлеровскую армию в конце войны, попал в плен к французам. Долгие месяцы жизни в лагере для военнопленных под Марселем, голод и эпидемии, тягостное чувство человека, который не видит пути в будущее... И вот в лагерь явились вербовщики, соблазнявшие пленных немцев возможностью вернуться к нормальной жизни — стоит только послужить год-другой в иностранном легионе. 26 февраля 1946 года Карл Ханнеман поставил свою подпись в списке завербовавшихся.

Первый этап в «карьере» каждого легионера — Сиди-бель-Аббес, город на северо-западе Алжира. Это главный учебно-тренировочный пункт легиона, или, по выражению самих легионеров, «врата ада». Отсюда только два пути: смерть от малярии, дизентерии и других болезней, которые косят легионеров в Сиди-бель-Аббесе; а для оставшихся в живых — в случае неповиновения — тюрьма в Коломб-Бехаре, в центре Сахары, откуда ни один человек не выходит живым, или —Вьетнам. Так Карл Ханнеман стал наемником французских империалистов, ведущих «грязную войну» против вьетнамского народа.

Воин вьетнамской Народно-освободительной армии оказывает помощь раненому солдату французского колониального корпуса.

Использование правящими кругами Франции печально знаменитого иностранного легиона во Вьетнаме соответствует традициям французской колониальной политики. Этот легион наемников был создан еще в 1831 году состоявшим на французской службе бельгийским авантюристом бароном де Бегаром. Страницы истории легиона запятнаны кровью и грязью — подавление испанской и мексиканской революций, освободительного движения в Северной Африке и на Мадагаскаре, расправы над мирным населением французских колоний. Теперь взрывающаяся бомба — символ легиона — забрасывает своими осколками мирные поля Вьетнама. «Во имя «цивилизации» и «западной культуры» легион готов установить в любом другом месте земного шара господство бомбы и огня, как только этого пожелают его хозяева и начальники»,— пишет Гюнтер Халле.

С давних времен в иностранный легион французской республики стекаются авантюристы, бандиты и убийцы со всего света. Ведь «платой» за их верную службу хозяевам легиона — «200 семействам» Франции — является забвение их прошлых преступлений и получение французского гражданства. И сейчас, свидетельствует Халле, в рядах легиона бесчинствуют гитлеровец, специалист по выстрелам в затылок, сержант Штейнбах, чешский фашист Хора, перебивший за один год свыше 2 тысяч мирных жителей Вьетнама, и многие другие немецкие, итальянские, венгерские и прочие военные преступники. Немало чудовищных фактов насилий, грабежей и убийств, чинимых этими выродками человеческого рода, приведено в книге Халле.

Однако в рядах легиона — не одни лишь военные преступники и люди с темным прошлым. Есть там люди, нагло обманутые вербовщиками, например военнопленные, вынужденные, подобно Ханнеману, вступить в легион силою обстоятельств. Потери французских захватчиков в войне против народа Вьетнама весьма значительны, поэтому парижским банкирам нужно пушечное мясо в больших количествах. И они нашли его источник во французской оккупационной зоне Западной Германии — там ведь немало безработных и голодных... «Вас ждут тропическая природа, доступные женщины и деньги!» — кричит цинично наглая реклама. Обманом и насилием вербовщикам удалось завлечь тысячи обездоленных немецких юношей в Оффенбургский пересыльный лагерь, а оттуда — прямая дорога во Вьетнам.

По подсчетам Халле, в иностранный легион только за два года — 1949 и 1950 — были завербованы сотни тысяч немцев. Хотя по уставу легиона количество представителей каждой национальности не должно превышать 40 процентов общего числа легионеров, в действительности немцы составляют сейчас 85 процентов его численности. Уже к концу 1948 года во Вьетнаме погибло около 40 тысяч немцев. Вот чего стоят посулы вербовщиков «легкой жизни» и больших заработков,— не более 2 процентов легионеров возвращается из Вьетнама! Их настигают повсюду тропическая лихорадка и другие болезни, а главное — карающая рука вьетнамского народа и его освободительной армии, беспощадно истребляющей чужеземных захватчиков.

Антинародное правительство Аденауэра, претендующее на то, что оно будто бы «защищает» национальные интересы немцев, выступает на деле в качестве маклера по поставкам немецкого пушечного мяса в иностранный легион. Западногерманская полиция передает тысячи молодых немцев в руки французских вербовочных органов. А в ответ на запрос со стороны баденского ландтага относительно деятельности этих вербовщиков министр внутренних дел боннского «правительства» Лер цинично заявил, что в Западной Германии вербовка в иностранные армии не может быть запрещена.

Г. Халле рассказывает и о той «идеологической» обработке, которой командование иностранного легиона подвергает рядовых легионеров, стремясь вытравить какие-либо следы не только прогрессивных настроений, но и простой порядочности. Всеми мерами поощряется моральное разложение завербованных — их толкают на ужасающие насилия над мирным населением, растлевают порнографической литературой, создают для них кабаки и публичные дома. Соответственно подбирается и командный состав — из военных преступников, садистов и прочих подонков человечества.

И тем не менее среди легионеров нашлись люди, не потерявшие моральной стойкости и сумевшие вырваться из этой фашистской клоаки. К их числу принадлежит и Карл Ханнеман, герой книги «Иностранный легион». Жестокие испытания закалили его, наполнили ненавистью к колонизаторам. Ханнеман еще в Сиди-бель-Аббесе решил при первой возможности перейти на сторону вьетнамской Народной армии. Попав во Вьетнам, он осуществляет это намерение и становится в конце концов в ряды борцов за свободу вьетнамского народа. Примеру Ханнемана следуют и многие другие легионеры.

Большую роль в этом, как свидетельствует Г. Халле, сыграл призыв правительства Германской Демократической Республики к легионерам немецкой национальности — покончить с «грязной войной» и переходить на сторону вьетнамского народа. Правительство ГДР гарантировало всем немцам, добровольно сдавшимся Народной армии, возможность возвращения на родину, полную амнистию, право на труд и на образование. «Возвращайтесь в Германию, здесь ждет вас честная и целеустремленная жизнь»,— так заканчивается этот замечательный призыв.

В книге показано и то, как пробуждению сознания рядовых легионеров способствует борьба французских патриотов против «грязной войны». Халле рассказывает, как докеры алжирских портов отказываются грузить оружие на пароходы, отправляющиеся во Вьетнам, как рабочие-оружейники отправляют на фронт негодные винтовки, вложив внутрь стволов записки: «Это все, что мы можем вам предложить! Долой грязную войну!», как моряки агитируют легионеров переходить на сторону Народной армии Вьетнама.

Немало сил приложил, чтобы открыть глаза своим товарищам по плену и по легиону, и сам Карл Ханнеман. Под его непосредственным воздействием Альфред Бургхардт — покорный, пассивный юноша, мечтавший накопить за время службы в легионе немного денег, чтобы жениться, пристроиться на работу и добыть таким путем свое «маленькое счастье», — осознает, что он избрал неверный путь. И когда Карл Ханнеман вместе с Альфредом и другими бывшими легионерами возвращается на свою вновь обретенную родину — в демократическую Германию, мы твердо знаем: эти люди вышли на правильную дорогу, они будут строить миролюбивую и демократическую Германию.

История перехода Карла Ханнемана и его товарищей легионеров из лагеря войны в лагерь мира развивается на фоне борьбы вьетнамского народа, с оружием в руках отстаивающего свободу и независимость своей родины. Не случайно значительную часть своей книги — едва ли не лучшие ее страницы—Гюнтер Халле посвятил героическим подвигам отважных сыновей и дочерей Вьетнама. Вот один из таких эпизодов.

На одну из тихих лесных деревушек Северного Вьетнама наступает подразделение иностранного легиона. Французские самолеты поливают пулеметным огнем улицы деревушки, забрасывают ее зажигательными бомбами. Уже многие жители деревни погибли. Старый крестьянин Ан-Лонг с миной в руках бежит к мосту, собираясь взорвать его, чтобы не дать врагам перейти реку. Но, не добежав до цели, он падает, сраженный пулей. К телу отца подбегает семнадцатилетняя Хи Сон. Она хватает мину и бросается к мосту. Ей удалось уже добраться до середины моста, но пуля легионера валит и ее. Хи Сон тяжело ранена. Собрав последние силы, девушка-патриотка взорвала мину и вместе с ней себя. Моста больше не существует. Пока легионеры пытались вытащить из реки затопленные жителями деревни лодки, подоспели части Народной армии. Не выдержав удара бойцов-патриотов, враг отступил.

Народная армия демократического Вьетнама связана тысячами нитей с трудящимися. В своей книге Халле рассказывает о самоотверженном труде вьетнамского народа, отдающего все силы для полной победы над интервентами. Халле рассказывает и о трогательной любви вьетнамского народа к Хо Ши Мину, талантливому военачальнику, крупному государственному деятелю, истинно народному вождю.

Карл Ханнеман, попав в демократический Вьетнам, видит, как народ, сбросивший с себя иго французских колонизаторов, пробуждается к новой жизни. Один из поразительных примеров — массовая борьба за ликвидацию неграмотности. Нередко во вьетнамских деревнях, на дверях крестьянских домов, можно увидеть буквы, которые хозяин может стереть, только предварительно выучив их. Во Вьетнаме, где в 1946 году 95 процентов населения были неграмотны, сейчас уже имеются районы сплошной грамотности.

Карл Ханнеман был поражен тем, что жители, от которых он ожидал проявлений вражды к человеку в ненавистной форме легионера, проявляют по отношению к сдавшимся в плен внимание и заботу. Пленные французы и немцы потрясены гуманным отношением командования вьетнамской армии, которое обеспечило им все необходимое — питание, жилище, медицинское обслуживание. И Карл Ханнеман понял, что так может относиться к пленному врагу только народ, ведущий справедливую войну и уверенный в правоте своего дела.

История Карла Ханнемана и его товарищей показывает, между прочим, и то, что даже в рядах иностранного легиона нашлись люди, сумевшие отыскать дорогу в лагерь мира и демократии.

* Günter Halle, Légion Etrangère, Verlag Volk und Welt, Berlin. 1952.

Гюнтер Халле, Иностранный легион. Издательство Фольк унд Вельт, Берлин. 1952.

Главный редактор **К. СИМОНОВ.**
Редакционная коллегия: **Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.**

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00830.